

НОВАЯ НАУКА

Международный центр
научного партнерства

NEW SCIENCE

International Center
for Scientific Partnership

ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО, ТЕХНОЛОГИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Сборник статей XIII Международной
научно-практической конференции,
состоявшейся 12 октября 2026 г.
в г. Петрозаводске

г. Петрозаводск
Российская Федерация
МЦНП «НОВАЯ НАУКА»
2026

УДК 001.12
ББК 70
Ч-39

Ответственные редакторы:
Ивановская И.И., Кузьмина Л.А.

Ч-39 Человек, общество, технологии: актуальные вопросы взаимодействия :
сборник статей XIII Международной научно-практической конференции
(12 октября 2026 г.). — Петрозаводск : МЦНП «НОВАЯ НАУКА», 2026.
— 78 с. : ил., табл.

ISBN 978-5-00276-222-4

Настоящий сборник составлен по материалам XIII Международной научно-практической конференции ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО, ТЕХНОЛОГИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ, состоявшейся 12 октября 2026 года в г. Петрозаводске (Россия). В сборнике рассматривается круг актуальных вопросов, стоящих перед современными исследователями. Целями проведения конференции являлись обсуждение практических вопросов современной науки, результатов исследований, полученных специалистами в охватываемых областях, развитие методов и средств получения научных данных, обмен опытом. Сборник может быть полезен научным работникам, преподавателям, слушателям вузов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Авторы публикуемых статей несут ответственность за содержание своих работ, точность цитат, легитимность использования иллюстраций, приведенных цифр, фактов, названий, персональных данных и иной информации, а также за соблюдение законодательства Российской Федерации и сам факт публикации.

Полные тексты статей в открытом доступе размещены в Научной электронной библиотеке Elibrary.ru в соответствии с Договором № 467-03/2018К от 19.03.2018 г.

УДК 001.12
ББК 70

ISBN 978-5-00276-222-4

© Коллектив авторов, текст, иллюстрации, 2026
© МЦНП «НОВАЯ НАУКА» (ИП Ивановская И.И.), оформление, 2026

Состав редакционной коллегии и организационного комитета:

Аймурзина Б.Т., доктор экономических наук
Ахмедова Н.Р., доктор искусствоведения
Битокова С.Х., доктор филологических наук
Блинкова Л.П., доктор биологических наук
Гапоненко И.О., доктор филологических наук
Героева Л.М., доктор педагогических наук
Добжанская О.Э., доктор искусствоведения
Доровских Г.Н., доктор медицинских наук
Дорохова Н.И., кандидат филологических наук
Ергалиева Р.А., доктор искусствоведения
Ершова Л.В., доктор педагогических наук
Зайцева С.А., доктор педагогических наук
Зверева Т.В., доктор филологических наук
Казакова А.Ю., доктор социологических наук
Кобозева И.С., доктор педагогических наук
Кулеш А.И., доктор филологических наук
Мантатова Н.В., доктор ветеринарных наук
Мокшин Г.Н., доктор исторических наук
Муратова Е.Ю., доктор филологических наук
Никонов М.В., доктор сельскохозяйственных наук
Панков Д.А., доктор экономических наук
Петров О.Ю., доктор сельскохозяйственных наук
Поснова М.В., кандидат философских наук
Рыбаков Н.С., доктор философских наук
Сансызбаева Г.А., кандидат экономических наук
Симонова С.А., доктор философских наук
Ханиева И.М., доктор сельскохозяйственных наук
Хугаева Р.Г., кандидат юридических наук
Червинец Ю.В., доктор медицинских наук
Чистякова О.В., доктор экономических наук
Чумичева Р.М., доктор педагогических наук

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕКЦИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	6
ТРУДНОСТИ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ НА АУДИОВИЗУАЛЬНОМ КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И МЕТОДИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ	7
<i>Чэн Цзин</i>	
СЕКЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	14
КОМПЬЮТЕРНОЕ МОШЕННИЧЕСТВО (СТ. 159.6 УК РФ): КОНКУРЕНЦИЯ НОРМ И ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ	15
<i>Валеев Инсаф Ильгизарович</i>	
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ.....	20
<i>Артемьева Маргарита Вячеславовна</i>	
СЕКЦИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	26
ЦЕННОСТЬ И ДОСТУПНОСТЬ: МОТИВАЦИОННО-ЦЕННОСТНЫЕ КОНФЛИКТЫ И БЛАГОПОЛУЧИЕ ЖЕНЩИН 30-45 ЛЕТ	27
<i>Герасимова Ольга Михайловна</i>	
СЕКЦИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	42
ЦИФРОВОЙ СЛЕД КАК НОВАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА	43
<i>Колобова Яна Александровна</i>	
СЕКЦИЯ ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ.....	50
ОТЧУЖДЕНИЕ И «ЧАСТИЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК» В СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ МОНОГРАФИИ И.С. НАРСКОГО).....	51
<i>Аликов Юрий Александрович</i>	
СЕКЦИЯ ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ.....	58
ОБСЛЕДОВАНИЕ КОНСТРУКЦИЙ ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СТРОИТЕЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НЕРАЗРУШАЮЩИМИ МЕТОДАМИ.....	59
<i>Сергеева Алла Юрьевна, Алесенко Анна Владимировна, Толстых Максим Сергеевич, Сергеев Юрий Дмитриевич</i>	
СЕКЦИЯ ИНФОРМАТИКА.....	65
ДОВЕРИЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ К ИИ-АССИСТЕНТАМ: ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И УСТОЙЧИВОСТИ	66
<i>Воробьев Иван Денисович, Коржов Алексей Алексеевич</i>	

СЕКЦИЯ БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ..... 71

ВРЕДНОСНОЕ ЦВЕТЕНИЕ ВОДОРΟΣЛЕЙ В АКВАТОРИИ ЗАЛИВА ПЕТРА ВЕЛИКОГО: МЕХАНИЗМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЪЕКТЫ МАРИКУЛЬТУРЫ И СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ	72
---	----

Дымов Сергей Александрович

**СЕКЦИЯ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

DOI 10.46916/14102026-978-5-00276-222-4

ТРУДНОСТИ ОБУЧЕНИЯ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ НА АУДИОВИЗУАЛЬНОМ КУРСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И МЕТОДИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Чэн Цзин

кандидат филологических наук, доцент
Шихэзыский университет

Аннотация: Аудиовизуальный курс — важная практическая дисциплина в системе подготовки бакалавров по специальности «Русский язык» в китайских вузах; его цель — формирование у студентов умений аудирования и говорения. Однако в процессе обучения китайские студенты в целом сталкиваются с определенными трудностями. В данной статье анализируются типичные трудности китайских студентов на аудиовизуальном курсе русского языка на трех уровнях: фонетического восприятия, грамматики и переработки информации, психоэмоциональных и культурно-контекстных факторов. В соответствии с этим предлагаются три методические стратегии: поэтапная фонетико-слуховая тренировка, оптимизация учебных материалов и аудиторных форм работы, ослабление влияния аффективного фильтра и усиление культурно-фоновой пропедевтики. Материалы статьи могут служить ориентиром для практики преподавания аудиовизуального курса русского языка.

Ключевые слова: аудиовизуальный курс русского языка, китайские студенты, трудности обучения, методические стратегии.

LEARNING DIFFICULTIES AND TEACHING STRATEGIES FOR CHINESE STUDENTS IN RUSSIAN-LANGUAGE AUDIOVISUAL COURSES

Cheng Jing

PhD in Philology, Associate Professor
Shihezi University

Abstract: The audiovisual course is an important practical course in undergraduate Russian-language programs at Chinese universities; it is designed to develop students' listening and speaking skills. However, Chinese students generally encounter certain difficulties in the learning process. This paper analyzes the typical learning difficulties experienced by Chinese students in Russian-language audiovisual courses from three perspectives: phonetic perception, grammar and information processing, psycho-emotional and cultural-contextual factors. Accordingly, it proposes three teaching strategies: staged phonetic-auditory training, optimization of teaching materials and classroom activities, lowering the affective filter while strengthening cultural background preparation. This study aims to provide references for teaching practice in Russian-language audiovisual courses.

Key words: Russian-language audiovisual course, Chinese students, learning difficulties, teaching strategies.

«Русский язык: аудиовизуальный курс» — базовая практическая дисциплина для студентов 1–2-го курсов специальности «Русский язык» в китайских вузах. Курс сочетает просмотр, аудирование и говорение и направлен на развитие у студентов умений понимать русскую устную речь и выражать свои мысли. Однако педагогическая практика показывает, что на занятиях по аудиовизуальному курсу китайские студенты сталкиваются с заметными трудностями: даже при достаточно хорошем владении лексикой и грамматикой они не всегда способны точно распознать информацию в русском речевом потоке естественного темпа. В последние годы среди поступающих на специальность «Русский язык» в китайских вузах преобладают студенты, начинающие изучать русский язык с нуля, что создает дополнительные трудности для преподавания практико-ориентированных дисциплин. В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать причины учебных трудностей на трех уровнях и предложить соответствующие методические стратегии.

Основные учебные трудности китайских студентов на аудиовизуальном курсе русского языка

1. Трудности на уровне фонетического восприятия

Фонетическая система русского языка принципиально отличается от китайской, что образует «первую стену» на пути китайских студентов к аудированию и говорению. На сегментном уровне в консонантной системе

китайского языка отсутствует противопоставление по глухости/звонкости, поэтому студенты, как правило, не различают парные глухие и звонкие согласные. Такие фонетические правила русского языка, как ассимиляция по глухости/звонкости и оглушение согласных в конце слова, также не имеют соответствий в китайском языке. Даже усвоив произношение отдельных звуков, студенты не могут точно декодировать их в непрерывном речевом потоке. На просодическом уровне русское ударение выполняет смыслоразличительную функцию и отличается подвижностью, что создает значительные трудности для слухового восприятия китайскими студентами. В русском вопросительном предложении без вопросительного слова вопросительное значение выражается интонацией, тогда как в китайском языке вопрос чаще оформляется с помощью вопросительных частиц. Это различие мешает студентам определять коммуникативное намерение говорящего по интонации. На уровне слоговой структуры китайский слог ограничен по количеству и прост по строению, а русские слова отличаются большей длиной и сложными сочетаниями слогов. Это непосредственно влияет на распознавание студентами флексий в конце слова и на их способность членить длинные слова: в речевом потоке они часто не улавливают морфологическую информацию, что затрудняет смысловую интеграцию.

2. Трудности на уровне грамматики и переработки информации

Аудиовизуальный курс требует от студентов одновременной полимодальной переработки информации (зрительной и слуховой), что значительно повышает когнитивную нагрузку по сравнению с тренировкой отдельного навыка. На младших курсах китайские студенты располагают ограниченным лексическим запасом, а грамматические навыки еще недостаточно автоматизированы, поэтому при работе с аутентичными материалами они легко попадают в «порочный» круг: «пословное декодирование — отставание от темпа речи — разрыв информационного потока». Китайские студенты нередко стремятся переводить каждое слово, чтобы добиться понимания. Такая стратегия еще возможна при чтении, но при аудировании она полностью утрачивает эффективность из-за одномоментности и необратимости звучащей информации. Понимание на слух включает три ключевых психологических процесса: фонетическое восприятие, механизм внутренней речи и механизм прогнозирования. Именно эти звенья у китайских

студентов оказываются наиболее слабыми. Студенты, как правило, не умеют использовать контекст для прогнозирования и вывода, привыкая к пассивному восприятию, а не к активному конструированию смысла. Кроме того, под влиянием традиционной китайской модели образования, в которой приоритет отдается письменной работе, устная речевая практика студентов оказывается недостаточной, а возможности для аудирования и говорения на занятиях ограничены, что еще больше усиливает отставание в развитии навыков переработки информации.

3. Трудности психоэмоционального и культурно-контекстного характера

Необходимость немедленной реакции на занятиях по аудиовизуальному курсу заставляет китайских студентов постоянно испытывать давление оценивания. Распространенная среди китайских студентов боязнь «потерять лицо» порождает страх совершить ошибку и нежелание добровольно выступать на занятии: столкнувшись несколько раз подряд с ситуацией непонимания на слух, они легко впадают в выученную беспомощность, и учебная мотивация заметно снижается. Такая тревожность — не только психологическое переживание, но и отражение структурного противоречия между условиями обучения и подготовленностью студентов. Традиционная образовательная модель в Китае уделяет недостаточно внимания устной коммуникативной тренировке, поэтому, приходя на аудиовизуальные занятия, студенты не располагают необходимой психологической готовностью и запасом стратегий. В то же время культурная информация в аудиовизуальных материалах часто создает скрытый барьер для понимания. Стратегии вежливости, речевой этикет, эвфемистические выражения и формы юмора в русском повседневном общении заметно отличаются от китайских коммуникативных норм. При отсутствии соответствующих прагматических знаний студенты, даже распознавая фонетическую форму высказывания, нередко не могут точно понять истинное намерение говорящего. Кроме того, такие стилистические особенности русской устной речи, как сосуществование сленга и заимствованной лексики, смешение разговорной и книжной речи, дополнительно усложняют понимание.

Методические стратегии

1. Преодоление трудностей фонетического восприятия: поэтапная фонетико-слуховая тренировка

На начальном этапе целесообразно использовать стратегию тренировки фонематического слуха по схеме «высокая частота — малые циклы — сильная обратная связь», сосредоточившись на преодолении таких ключевых трудностей, как противопоставление глухих и звонких согласных, различение твердых и мягких согласных и восприятие ударения. Можно обратиться к методу теневого повтора (shadowing), при котором студенты синхронно повторяют вслед за аудиозаписью и в процессе подражания формируют чувство ритма русского речевого потока. На базовом этапе следует вводить переходные упражнения («сначала просмотр, затем аудирование», «аудирование без опоры на текст с восстановлением пропусков»), постепенно готовя студентов к восприятию речи естественного темпа. Учебные материалы должны быть организованы по принципу градуированности: от различения отдельных фонем к различению минимальных пар слов, далее к аудированию словосочетаний и предложений и, наконец, к пониманию на уровне текста.

2. Преодоление трудностей грамматики и переработки информации: оптимизация учебных материалов и аудиторной работы

На начальном этапе следует отдавать предпочтение материалам с умеренным темпом речи, четко выраженным контекстом и богатой визуальной опорой, контролируя продолжительность однократного просмотра и прослушивания. По мере повышения уровня студентов постепенно вводятся аутентичные материалы, включая новостные фрагменты и диалоги из фильмов. В аудиторной работе необходимо отказаться от однообразной модели «прослушивание — выполнение теста — сверка ответов» и включать интерактивные формы: ролевые игры, моделирование ситуаций, описание картинки. Это поможет перейти от пассивного восприятия к активному конструированию смысла. В частности, перед аудированием можно давать вопросы на прогнозирование, активизирующие фоновые знания, во время аудирования — задания на поиск информации, после аудирования — организовывать пересказ и обсуждение, формируя целостную цепочку заданий. Кроме того, целесообразно использовать групповую работу и взаимооценивание, чтобы снизить давление, связанное с индивидуальным высказыванием.

3. Преодоление психоэмоциональных и культурно-контекстных трудностей: ослабление влияния аффективного фильтра и усиление культурной пропедевтики

На занятиях необходимо создавать атмосферу, в которой ошибки допустимы, и сокращать стрессовые формы взаимодействия, предполагающие немедленный ответ по требованию преподавателя. В системе оценивания следует сочетать формирующее оценивание (участие в занятии, групповые задания, аудиовизуальный дневник) с итоговым оцениванием, чтобы тревожность не накапливалась из-за того, что результат одного экзамена становится решающим. В культурно-контекстном отношении преподаватель должен до начала аудирования провести необходимую прагматическую пропедевтику, помогая студентам сформировать когнитивные схемы и снижая барьер понимания, обусловленный культурной дистанцией. Конкретно это можно делать через сопоставление русских и китайских коммуникативных норм, объяснение распространенных формул речевого этикета и эвфемистических выражений, чтобы наряду с языковым декодированием студенты получали поддержку в понимании культурного контекста. Уже на этапе фонетического обучения преподавателю следует обращать внимание на психологическое состояние студентов, помогать им формировать реалистичные учебные ожидания и учитывать эмоциональный фактор при проектировании занятий.

Заключение

Трудности китайских студентов на аудиовизуальном курсе русского языка могут быть осмыслены на трех уровнях:

- 1) фонетического восприятия;
- 2) грамматики и переработки информации;
- 3) психоэмоциональных и культурно-контекстных факторов.

Между ними существуют отношения последовательного углубления: фонетическое восприятие — препятствие базового уровня; грамматика и переработка информации — когнитивное затруднение промежуточного уровня; психоэмоциональные и культурно-контекстные факторы — глубинные субъектные и средовые условия. Соответственно, методические стратегии также должны представлять собой трехуровневый ответ: фонетическая тренировка решает базовую проблему «не понимаю на слух»; оптимизация материалов и занятий — практические проблемы «не успеваю» и «не могу

применить»; эмоциональная поддержка и культурная пропедевтика — мотивационную и контекстную проблемы «боюсь слушать» и «не улавливаю смысл». Эти три уровня взаимно поддерживают друг друга и в совокупности образуют системное решение для реформирования преподавания аудиовизуального курса русского языка. В дальнейших исследованиях целесообразно изучить эффективность цифровых инструментов при обучении китайских студентов аудиовизуальному курсу русского языка, чтобы снабдить практику преподавания более точными методическими рекомендациями.

Список литературы

1. 高国翠, 陈思琪. **基于iFIAS的远程在线俄语视听说课堂师生互动个案研究** [J]. **中国俄语教学**, 2020, 39 (4):76-85.
2. 徐文玲. **俄语听力的语言制约因素** [J]. **解放军外国语学院学报**, 2005, (5):49-53.
3. 李雅君. **高校俄语听力教学策略的心理语言学分析** [J]. **黑龙江高教研究**, 2004, (3):120-123.
4. 蔡杨, 戴曼纯. **国家语言能力导向的俄罗斯语言人才培养: 类型体系及实践启示** [J]. **外语界**, 2026, (3):40-47.

© Чэн Цзин

**СЕКЦИЯ
ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

КОМПЬЮТЕРНОЕ МОШЕННИЧЕСТВО (СТ. 159.6 УК РФ): КОНКУРЕНЦИЯ НОРМ И ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ

Валеев Инсаф Ильгизарович

магистрант

Научный руководитель: **Фатхуллин Рустем Рамазанович**

к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой уголовного

процесса и криминалистики

КФ ФГБОУ ВО «РГУП им. В.М. Лебедева»

Аннотация: В статье рассматривается, почему применение ст. 159.6 УК РФ вызывает сложности при разграничении компьютерного мошенничества, кражи с банковского счёта и иных способов хищения. Основное внимание уделено характеру воздействия на компьютерную информацию, соотношению ст. 159.6 со ст. 158, 159, 159.3 и 272 УК РФ, а также пределам квалификации по совокупности преступлений. На основе законодательства, разъяснений Верховного Суда РФ и научных публикаций предложен критерий разграничения указанных составов. Отдельно отмечены ограничения опубликованных статистических данных.

Ключевые слова: компьютерное мошенничество, конкуренция норм, разграничение составов, кража, мошенничество с использованием электронных средств платежа, неправомерный доступ к компьютерной информации, судебная практика, квалификация преступлений.

COMPUTER FRAUD (ARTICLE 159.6 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION): COMPETITION OF LEGAL NORMS AND PROBLEMS OF DELIMITATION IN CRIMINAL LAW

Valeev Insaf Ilgizarovich

Scientific adviser: **Fatkhullin Rustem Ramazanovich**

Abstract: The article examines difficulties in distinguishing computer fraud under Article 159.6 of the Russian Criminal Code from theft from a bank account and other property offences. Particular attention is paid to interference with computer

data, the relationship between Articles 158, 159, 159.3, 159.6 and 272, and the conditions for cumulative qualification. Drawing on legislation, Supreme Court guidance and legal scholarship, the article proposes a criterion for distinguishing these offences and discusses the limitations of published conviction statistics.

Key words: computer fraud, competition of norms, differentiation of crimes, theft, fraud using electronic means of payment, unauthorized access to computer information, judicial practice, qualification of crimes.

Статья 159.6 УК РФ появилась в 2012 году — как специальная норма о хищениях через воздействие на компьютерную информацию [1]. Но сам факт, что в механизме хищения участвовал компьютер, ещё не значит, что применяется именно эта статья. Внешний результат может быть одним и тем же — деньги списаны со счёта, — а пути к нему разными: обман человека, использование чужих платёжных данных, вмешательство в обработку информации. Значит, решает не цифровая форма операции, а установленный способ завладения имуществом. На нём и держится вся квалификация.

Разграничение начинается с объективной стороны. У «обычного» мошенничества это обман или злоупотребление доверием. В диспозиции ст. 159.6 УК РФ механизм другой: ввод, удаление, блокирование или модификация компьютерной информации либо иное вмешательство в работу средств её хранения, обработки и передачи [1]. Отсюда задача следствия: установить, какая именно операция была изменена, каким способом — и как это повлияло на переход имущества к виновному.

К.В. Ображиев обращает внимание на важный нюанс: в компьютерном мошенничестве воздействия на сознание потерпевшего может не быть вовсе. Хищение достигается тем, что меняется порядок работы автоматизированной системы. И тогда возникает вопрос: а как такой способ соотносится с традиционным пониманием обмана? [4, с. 165]

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 30.11.2017 № 48 прямо указывает: для ст. 159.6 УК РФ принципиально именно неправомерное воздействие на средства обработки, хранения или передачи компьютерной информации, которое позволяет завладеть чужим имуществом [2].

Если виновный просто использует похищенные или обманно полученные учётные данные и делает обычный перевод денег — без неправомерного

вмешательства в работу информационной системы, — это по общему правилу кража с банковского счёта, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ [2].

Здесь К.В. Ображиев делает точное наблюдение: узкое толкование ст. 159.6 подталкивает правоприменителя к обратному — расширять понятие обмана, чтобы «пристроить» отдельные цифровые хищения хоть куда-нибудь [4, с. 160].

Ещё одна сложность — квалификация по совокупности со ст. 272 УК РФ (неправомерный доступ к компьютерной информации). Пункт 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 говорит прямо: мошенничество в сфере компьютерной информации, совершённое через неправомерный доступ к такой информации либо через создание, использование или распространение вредоносных программ, требует дополнительной квалификации по ст. 272, 273 или 274.1 УК РФ [3].

Статистический материал следует использовать с оговорками. В публикациях за 2024 год одновременно встречаются данные о 17 осуждённых по ст. 159.6 УК РФ и разбивка, согласно которой по ч. 3 осуждены 8 человек, по ч. 4 — 7, а по ч. 1 и 2 — никто. Сумма по частям равна 15, а не 17. Пока расхождение не проверено по первичным формам судебной статистики, такая разбивка не может служить основой для вывода о структуре осуждений.

В одной из публикаций приводятся такие годовые значения: 23 осуждённых в 2021 году, 29 — в 2022-м, 15 — в 2023-м, 17 — в 2024-м [6, с. 390]. Это именно колебания, а не устойчивое снижение. И ещё: число осуждённых по конкретной статье нельзя напрямую сравнивать с общим массивом зарегистрированных ИТ-преступлений. Различаются как минимум три вещи — предмет учёта, квалификация деяний и стадия уголовного судопроизводства.

В доктрине обсуждают идею отказаться от самостоятельного состава — ст. 159.6 УК РФ — и перенести соответствующий способ хищения в квалифицирующие признаки кражи. К такой идее стоит отнестись осторожно. При разграничении преступлений важно не просто то, что были задействованы информационные технологии. Важен характер воздействия на компьютерную информацию [4, с. 170; 7, с. 180–184].

Разграничивая эти составы, полезно идти по цепочке вопросов. Что или кто стал объектом воздействия? Операция шла по действительным реквизитам или нет? Менял ли виновный сам порядок обработки компьютерной

информации? Была ли у этого вмешательства причинная связь с хищением? Показательный пример: перевод с использованием похищенных учётных данных — это ещё не то же самое, что неправомерное изменение работы системы. Такой подход позволяет опираться на фактический способ хищения, а не на общую фразу о том, что применялись интернет или банковское приложение [2, 9].

В литературе есть три позиции: сохранить ст. 159.6 УК РФ и точнее описать её признаки; исключить статью, перенеся соответствующий способ в квалифицированную кражу; обособить цифровые хищения в отдельную группу [8]. Полное исключение специальной нормы — решение спорное. Оно может стереть разницу между тайным списанием средств и вмешательством в автоматизированную обработку данных. Но и новая общая категория «цифровых хищений» без ясного критерия ничего не решает — конкуренция составов никуда не денется.

Зарубежный пример показывает другой путь. В УК Германии компьютерное мошенничество вынесено в отдельный состав — § 263а. Но перенимать саму конструкцию, не учитывая российские правила квалификации, — значит, проблему не решить. Сначала нужно определить пределы понятия неправомерного воздействия на компьютерную информацию. Тогда уже можно говорить о заимствованиях.

На мой взгляд, предпочтительнее не отменять ст. 159.6 УК РФ, а уточнить её. И в диспозиции, и в судебных разъяснениях нужно чётче отделить неправомерное изменение обработки данных от использования чужих реквизитов в штатном режиме. Тогда появится возможность последовательно разграничивать ст. 159.6 и п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Отдельная тема — совокупность со ст. 272 УК РФ: здесь квалификация должна учитывать самостоятельные признаки неправомерного доступа, о которых говорится в разъяснениях Верховного Суда [3].

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ : ред. от 31.07.2025 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954. Доступ из справ.-правов. системы «КонсультантПлюс».

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» : ред. от 15.12.2022 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2. Доступ из справ.-правов. системы «КонсультантПлюс».

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершённых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть „Интернет“» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 3. URL: <https://www.vsrf.ru/documents/all/31913> (дата обращения: 11.10.2026).

4. Ображиев К.В. Обманное воздействие на компьютерную систему как способ хищения // Всероссийский криминологический журнал. 2025. Т. 19, № 2. С. 160–172.

5. Татаурова В.В., Пономарева К.Е. Мошенничество в сфере компьютерной информации: проблемные вопросы теории и практики // Молодой ученый. 2025. № 43 (594). С. 188–189.

6. Метелкина О.В. Теоретико-правовые аспекты и уголовно-правовая характеристика кибермошенничества // Молодой ученый. 2025. № 50 (601). С. 389–391.

7. Нурмухаметов Р.Н. К вопросу о проблемах квалификации хищений, совершённых с применением информационных технологий // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 12-1 (99). С. 180–184. URL: <https://sciup.org/k-voprosu-o-problemah-kvalifikacii-hishhenij-sovershennyh-s-primeneniem-170208897> (дата обращения: 11.10.2026).

8. Харина Е.А. Формы хищений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Российский следователь. 2026. № 8. С. 65–70. DOI: 10.18572/1812-3783-2026-8-65-70. URL: <https://lawinfo.ru/articles/14849/forms-of-thefts-committed-with-the-use-of-information-and-telecommunication-technologies> (дата обращения: 11.10.2026).

9. Информационные технологии при совершении хищений // Прокуратура Ярославской области. 21.07.2022. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_76/activity/legal-education/explain/e1958598/ (дата обращения: 11.10.2026).

© Валеев И.И., 2026

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

Артемьева Маргарита Вячеславовна

АНО ВО Московский гуманитарно-экономический университет

Аннотация: В данной статье проводится теоретико-правовой анализ институтов и механизмов правового регулирования прекращения права собственности в Российской Федерации. Автор подробно рассматривает классификацию оснований прекращения права собственности и уделяет особое внимание вопросам принудительного изъятия имущества у собственника, таким как реквизиция, конфискация, национализация, а также изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд. На основе проведенного анализа выявляются правовые пробелы и коллизии, снижающие уровень защищенности частной собственности. Предлагаются научно обоснованные рекомендации по совершенствованию правовых норм, направленные на обеспечение баланса публичных и частных интересов.

Ключевые слова: прекращение права собственности, основания прекращения, принудительное изъятие, национализация, реквизиция, конфискация, гарантии прав собственника, баланс интересов.

LEGAL REGULATION OF THE TERMINATION OF PROPERTY RIGHTS

Artemeva Margarita Vyacheslavovna

Abstract: This article provides a theoretical and legal analysis of the institutions and mechanisms of legal regulation of the termination of property rights in the Russian Federation. The author examines in detail the classification of grounds for the termination of property rights and pays special attention to issues related to the forced seizure of property from the owner, such as requisition, confiscation, nationalization, as well as the seizure of land plots for state and municipal needs. Based on the analysis, legal gaps and conflicts that reduce the level of protection of private property are identified. Scientifically grounded recommendations are

proposed to improve legal norms in order to ensure a balance between public and private interests.

Key words: termination of ownership rights, grounds for termination, compulsory acquisition, nationalization, requisition, confiscation, guarantees of owners' rights, balance of interests.

Право собственности выступает в качестве одного из базовых устоев любой современной экономической и правовой системы. Обеспечение стабильности отношений собственности гарантирует устойчивое развитие государства, привлечение инвестиций и защиту прав личности. Согласно статье 8 Конституции Российской Федерации, признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности [1]. Однако право собственности не может быть абсолютным и безграничным. В силу объективных причин развития социума, защиты публичных интересов, обеспечения обороноспособности страны и общественной безопасности возникают ситуации, когда право собственности конкретного субъекта должно быть прекращено. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что прекращение права собственности – правовой процесс, находящийся на стыке частных интересов отдельного лица и публичных интересов общества и государства.

Несмотря на нормативно-правовое закрепление в Гражданском кодексе РФ, правоприменительная практика сталкивается со спорами, связанными с прекращением права собственности, особенно при принудительном изъятии имущества.

Нередко возникают вопросы соразмерности и справедливости компенсаций, четкости критериев для государственных нужд, а также соблюдения процессуальных сроков и процедур. Целью данной работы является исследование правовой природы оснований прекращения права собственности, анализ существующих коллизий в механизме правового регулирования и выработка предложений по совершенствованию отечественного гражданского законодательства в этой сфере.

В юридической науке прекращение права собственности традиционно понимается как прекращение субъективного права конкретного лица на определенное имущество, которое влечет за собой либо переход этого права к другому субъекту, либо полное исчезновение самого объекта права. Структура

главы 15 Гражданского кодекса РФ построена таким образом, чтобы включить все возможные жизненные и правовые ситуации [2]. Закон классифицирует основания прекращения права собственности на две большие группы: по воле самого собственника и помимо его воли [2].

Добровольное прекращение права собственности включает случаи отчуждения собственником своего имущества другим лицам или добровольного отказа от права собственности. Отказ от права собственности, регламентированный статьей 236 ГК РФ, характеризуется тем, что гражданин или юридическое лицо объявляет о своем отказе либо совершает другие действия, определенно свидетельствующие о его отстранении от владения, пользования и распоряжения имуществом без намерения сохранить какие-либо права на него [2].

Другим основанием является гибель или уничтожение имущества. В данном случае право собственности прекращается в силу чисто физических, естественных причин, поскольку исчезает сам материальный объект правоотношения. Гражданско-правовые последствия гибели имущества зависят от того, по чьей вине она произошла. Если имущество погибло в результате действия непреодолимой силы, риск убытков по общему правилу несет сам собственник, если иное не предусмотрено законом или договором.

Наибольшую сложность в правовом регулировании и правоприменении вызывают принудительные основания прекращения права собственности. Перечень таких оснований закреплен в пункте 2 статьи 235 ГК РФ и является исчерпывающим, что является гарантией защиты прав граждан и юридических лиц [2]. Закон ограничивает случаи, когда лицо может быть лишено своего имущества против воли. К таким основаниям относятся: обращение взыскания на имущество по обязательствам; отчуждение имущества, которое в силу закона не может принадлежать данному лицу, изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд, выкуп бесхозно содержимых культурных ценностей или домашних животных, реквизиция, конфискация, национализация и некоторые другие [2].

Обращение взыскания на имущество по обязательствам собственника производится на основании решения суда, если иной порядок не предусмотрен законом или договором. Право собственности на имущество прекращается у собственника с момента возникновения права собственности на изъятое имущество у лица, к которому переходит это имущество. Этот институт тесно

связан со сферой исполнительного производства и банкротства, где главной проблемой является соблюдение баланса между интересами кредитора по возврату долга и правами должника на сохранение минимально необходимого для жизни имущества.

Особый интерес вызывают такие институты, как реквизиция и конфискация, которые часто смешиваются в обыденном сознании, но имеют принципиально разную правовую природу.

Реквизиция – это изъятие имущества у собственника в интересах общества в случаях чрезвычайных ситуаций [2]. Главным квалифицирующим признаком реквизиции является ее возмездность – собственнику выплачивается стоимость имущества. Кроме того, реквизиция не является мерой ответственности, она применяется в административном порядке, хотя сам размер компенсации может быть оспорен в суде.

В свою очередь, конфискация – это безвозмездное изъятие имущества у собственника по решению суда либо в административном порядке в качестве санкции за совершение правонарушения [2]. Конфискация имеет характер наказания и выступает мерой публично-правовой ответственности.

К одному из самых актуальных вопросов современного гражданского права относят изъятие недвижимости и земельных участков для государственных или муниципальных нужд. Развитие инфраструктуры, строительство федеральных трасс, крупных спортивных объектов и программ реновации жилья не может существовать без оперативного изъятия земель. Однако процедура, закрепленная в Земельном и Гражданском кодексах, нередко вызывает нарекания [2, 3]. Основной проблемой становится определение рыночной стоимости изымаемых объектов и расчет убытков, причиненных собственнику. Практика показывает, что государственные оценщики склонны занижать стоимость имущества, что вынуждает собственников обращаться в суды для проведения независимой экспертизы. Представляется необходимым более четко зафиксировать в законе методику расчета упущенной выгоды и компенсации за неудобства, связанные с вынужденным переселением.

Национализация как правовой институт в российском законодательстве до сих пор не получила детальной регламентации. В соответствии со статьей 235 ГК РФ, обращение в собственность государства имущества, принадлежащего гражданам и юридическим лицам, производится на основании

закона с возмещением стоимости этого имущества и других убытков [2]. Однако специальный федеральный закон о национализации в России до сих пор не принят. Это создает пробелы в законодательстве и порождает риски нестабильности гражданского оборота.

В условиях современных геополитических вызовов и необходимости защиты суверенной экономики вопросы национализации приобретают особую актуальность [4, с. 12]. Отсутствие процессуального механизма регулирования порядка оценки имущества, сроки выплат и критерии принятия решений о национализации, негативно сказывается на инвестиционной обстановке в стране. Принятие специального закона должно стать приоритетной задачей для отечественного законодателя.

Также коллизии возникают при принудительном изъятии имущества, которое не может принадлежать лицу в силу закона [2]. Речь идет о ситуациях, когда лицо на законных основаниях приобретает вещь, для владения которой требуется специальное разрешение либо вообще ограничена в обороте для частных лиц. В соответствии со статьей 238 ГК РФ, имущество, которое не может принадлежать лицу по закону, должно быть отчуждено собственником в течение одного года с момента возникновения права собственности, если законом не установлен иной срок [2]. Однако процедура контроля за соблюдением этого срока и механизм автоматического изъятия проработаны недостаточно эффективно, что на практике приводит к длительному незаконному удержанию ограниченных в обороте вещей гражданами.

Таким образом, правовое регулирование прекращения прав собственника в Российской Федерации требует постоянного совершенствования. Законодателю удалось сформировать нормативную базу, ограничивающую произвол госорганов и защищающую право частной собственности посредством установления исчерпывающего перечня принудительных оснований изъятия имущества. Вместе с тем, стремительное развитие экономических отношений опережает нормативное регулирование, создавая существующие пробелы. Для совершенствования процедуры прекращения права собственности необходимо: во-первых, разработать и принять Федеральный закон «О национализации в Российской Федерации», который заполнит многолетний правовой пробел и установит ясные условия для участников процесса; во-вторых, конкретизировать в земельном и гражданском законодательстве порядок расчета компенсаций при изъятии участков для

публичных нужд, предусмотрев обязательный учет рыночных колебаний и неимущественных потерь собственника. Только через достижение баланса между частными и публичными интересами возможно построение стабильной и справедливой правовой системы государства.

Список литературы

1. Конституция РФ : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Российская газета. 2020. № 144(8198). Доступ из справ.-правов. системы «КонсультантПлюс».
2. Гражданский Кодекс РФ (часть первая) : федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ : ред. от 24.07.2023 // Российская газета. 1994. № 238-239. Доступ из справ.-правов. системы «КонсультантПлюс».
3. Земельный Кодекс РФ : федер. закон от 25.10.2001 № 136-ФЗ : ред. от 04.08.2026 // Российская газета. 2001. № 211-212. Доступ из справ.-правов. системы «КонсультантПлюс».
4. Кутовой Н.С. Национализация, экспроприация и конфискация в системе оснований прекращения права собственности волею государства: сравнительный анализ // Право и политика. – 2025. – №. 2. – С. 12-22.

© Артемьева М.В., 2026

**СЕКЦИЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

ЦЕННОСТЬ И ДОСТУПНОСТЬ: МОТИВАЦИОННО-ЦЕННОСТНЫЕ КОНФЛИКТЫ И БЛАГОПОЛУЧИЕ ЖЕНЩИН 30-45 ЛЕТ

Герасимова Ольга Михайловна

магистрант, практическая социальная психология
Московский психолого-социальный университет

Аннотация: Статья посвящена проверке предположения о том, что психологическое благополучие женщины в средней взрослости определяется не столько составом её ценностей, сколько разрывом между значимостью ценности и её доступностью в жизни. В исследовании приняли участие 60 женщин двух возрастных групп (30-35 и 36-45 лет). Использованы методика «Уровень соотношения ценности и доступности в различных жизненных сферах» Е.Б. Фанталовой, тест смысложизненных ориентаций, шкала психологического благополучия К. Рифф и два мотивационных опросника. Установлено, что наиболее сильным отрицательным коррелятом благополучия выступает разрыв «ценность – доступность» в сфере семьи ($r_s = - 0,55$), затем в сферах любви, уверенности в себе, интересной работы и здоровья. Зоны конфликта закономерно различаются по возрасту: у женщин 30-35 лет они сосредоточены в сферах уверенности в себе, материального положения, семьи, работы и любви, у женщин 36-45 лет - в сферах творчества, красоты, здоровья, познания и свободы. Обнаружено, что конфликты двух типов связаны с разными сторонами благополучия: первые с целями, осмысленностью жизни и управлением средой, вторые с автономией и самопринятием. Эта закономерность объясняет, почему при одинаковом интегральном уровне благополучия возрастные группы различаются его структурой. Удовлетворённость потребностей в достижении и аффилиации оказалась наиболее сильным положительным коррелятом благополучия ($r_s = 0,72$ и $0,70$). Обсуждаются следствия для психологического консультирования.

Ключевые слова: мотивационно-ценностный конфликт, внутренний конфликт, ценность и доступность, психологическое благополучие, средняя взрослость, женщины 30-45 лет, аффилиация, смысложизненные ориентации.

VALUE AND ACCESSIBILITY: MOTIVATIONAL-VALUE CONFLICTS AND WELL-BEING IN WOMEN AGED 30–45

Gerasimova Olga Mikhailovna

Abstract: The study tests whether psychological well-being in midlife women depends on the gap between the importance of a value and its accessibility rather than on the values themselves. Sixty women aged 30-35 and 36-45 completed Fantalova's value-accessibility technique, the Purpose-in-Life test, Ryff's Psychological Well-Being Scales and two motivation questionnaires. The value-accessibility gap in the family domain was the strongest negative correlate of well-being ($r_s = -0.55$). Conflict zones shifted with age from self-confidence, money, family, work and love to creativity, beauty, health, knowledge and freedom. The former were related to purpose, meaning and environmental mastery, the latter to autonomy and self-acceptance. Satisfaction of the needs for achievement and affiliation were the strongest positive correlates of well-being ($r_s = 0.72$ and 0.70).

Key words: motivational-value conflict, inner conflict, value and accessibility, psychological well-being, midlife, women aged 30-45, affiliation, meaning in life.

Введение

В консультативной практике один из самых частых запросов женщин 30-45 лет звучит так: «вроде бы всё есть, а счастья нет». За ним стоит ощущение внутренней разбитости и отсутствие удовлетворённости жизнью при внешне благополучных обстоятельствах. Это же наблюдение неоднократно подтверждалось при обсуждении случаев в интервьюерских группах, что и побудило уделить теме отдельное внимание. Парадоксально, но сама высокая ценность счастья может мешать его переживанию: в исследовании А. Маусс и соавторов женщины, особенно сильно стремившиеся быть счастливыми, в благополучных обстоятельствах оказывались менее удовлетворены жизнью, потому что ожидание «я должна быть счастлива» не оправдывалось [24]. Похожий парадокс фиксируется и на уровне общества: за последние полвека возможности женщин в развитых странах выросли во всех измеримых отношениях, однако, по данным Б. Стивенсон и Дж. Вулферса, самооценка счастья у женщин за этот период снизилась и в абсолютном выражении, и

относительно мужчин [29]. Одно из объяснений - расширение круга сфер, по которым женщина оценивает свою жизнь: чем больше значимых ценностей, тем больше пространство для расхождения между желаемым и действительным.

Российские данные показывают сходную картину. По опросу ВЦИОМ 2024 года, семью и работу считают одинаково важными для современной женщины 53% россиян (в 1990 году - 35%), а среди женщин 35-44 лет – 62%; вариант «скорее семья» за 34 года потерял более половины сторонников (56% в 1990 году против 26% в 2024-м) [9]. При этом желаемое число детей, по данным выборочного обследования 2022 года, составляет 1,98, а фактический суммарный коэффициент рождаемости - 1,42, причём разрыв тесно связан с уровнем доходов региона [10]. На уровне общества мы наблюдаем не дефицит ценностей, а дефицит условий для их осуществления.

Трудности этого возраста привычно объясняют «кризисом середины жизни», однако как универсальная закономерность он утратил эмпирическую опору: U-образная кривая благополучия плохо воспроизводится в продольных исследованиях [17], а к 2020-м годам «горб неблагополучия» в среднем возрасте исчез, и самой неблагополучной группой стали молодые [15]. Тем не менее, середина жизни остаётся рубежом подведения итогов. Если в начале профессионального пути человек много экспериментирует и вкладывает время и силы в поиск, то к 30-45 годам наступает момент, когда накопленный опыт хочется актуализировать: быть признанным специалистом, позволять себе желаемое, будь то путешествия, приобретения или собственные проекты, и достигать благ, которые сам человек считает составляющими благополучия. Когда реальность не соответствует собственным представлениям о благополучии, возникает внутренний конфликт. Поэтому важен не возраст сам по себе, а конкретные психологические механизмы, которые при сопоставимых обстоятельствах делают одних женщин благополучными, а других - нет.

Полагаю, что таким механизмом выступает мотивационно-ценностный конфликт, понимаемый вслед за Е.Б. Фанталовой как рассогласование между значимостью ценности и её доступностью [11, 12]. Изучение ценностей только как иерархии здесь недостаточно: место ценности в ряду других мало говорит о том, какую роль она играет в жизни конкретной женщины. Для одной женщины семья - главная ценность и опора: она реализована в других сферах, успевает создавать важное для себя и в семье может отдыхать и наслаждаться моментом.

Для другой семья не менее ценна, но она не успела реализоваться или находится в поиске нового ориентира, и тогда семья, требующая времени, внимания и вовлечённости, начинает вызывать напряжение и даже раздражение. Ценность одна и та же и в обоих случаях значима, но в первом случае она ресурс, а во втором - источник конфликта, потому что остаётся незакрытой потребность в другой сфере. Сходные данные получены Л. Сагив и Ш. Шварцем: приоритеты ценностей сами по себе слабо связаны с благополучием, решающую роль играет их соответствие возможностям среды [26].

Цель исследования – выявить зоны мотивационно-ценностных конфликтов у женщин 30-45 лет, описать их возрастную специфику и установить их связь с психологическим благополучием. Гипотезы: 1) разрыв между ценностью и доступностью отрицательно связан с благополучием, причём неодинаково для разных жизненных сфер; 2) зоны конфликта различаются у женщин 30-35 и 36-45 лет.

Теоретические основания

Ф.Е. Василюк рассматривал внутренний конфликт как особый тип критической ситуации - столкновение мотивов, при котором реализация одного означает отказ от другого, а его переживание - как внутреннюю работу по восстановлению смысла [1]. Д.А. Леонтьев подчёркивал динамичность смысловой сферы, в которой напряжения возникают при столкновении смыслов с реальностью [3]. Для данного исследования наиболее продуктивной оказалась модель Е.Б. Фанталовой, поскольку она описывает именно то состояние, с которым женщины приходят на консультацию: то, что доступно, не является для человека по-настоящему ценным, а то, что ценно, пока находится вне зоны реальной досягаемости. Из этого расхождения складывается болезненное, напряжённое состояние, в котором трудно действовать. Методика Фанталовой операционализирует его: человек дважды попарно сравнивает двенадцать жизненных сфер - по значимости и по доступности. Превышение ценности над доступностью на четыре и более пункта означает внутренний конфликт («хочу, но не имею»), обратное соотношение - внутренний вакуум («имею, но не ценю») [11].

Сходную логику развивают зарубежные теории. Согласно Э.Т. Хиггинсу, разрыв между реальным и идеальным Я порождает уныние, а между реальным и должным - тревогу: вред несёт не идеал, а дистанция до него [19]. Цели,

выбранные «по-своему», а не из долга, лучше достигаются и сильнее повышают благополучие [27]. Р. Келли и соавторы объединили эти линии в иерархическую модель: конфликт конкретных целей решается организацией времени, а конфликт ценностей, задающих смысл, наиболее разрушителен для благополучия [23].

Психологическое благополучие понимается в эвдемонической традиции К. Рифф как многомерный конструкт, включающий самопринятие, позитивные отношения, автономию, управление средой, цели в жизни и личностный рост [25, 13]. Для женщин 30-45 лет описаны структурные характеристики негативных психических состояний при трудностях совладания с кризисом середины жизни [8], средний уровень внутриличностной конфликтности при высоких требованиях к себе [5], недостаточная дифференцированность мотивов при выраженном конфликте [2]. По панельным данным, ценности заметно меняются примерно до 40 лет [28].

Методы и выборка

В исследовании приняли участие 60 женщин, привлечённых через профессиональное сообщество и центр психологического консультирования на базе ООО «Балтийский институт психологии» (г. Калининград). Часть участниц проходила диагностику в рамках тренингов, после чего результаты обсуждались с ними; с другими исследование проводилось индивидуально. Выборка разделена на две равные группы: 30-35 лет ($n = 30$) и 36-45 лет ($n = 30$).

Использованы следующие методики: 1) «Уровень соотношения ценности и доступности в различных жизненных сферах» (УСЦД) Е.Б. Фанталовой [12]; 2) тест смысложизненных ориентаций Дж. Крамбо и Л. Махолика в адаптации Д.А. Леонтьева [4]; 3) шкала психологического благополучия К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой и П.П. Фесенко [13]; 4) тест системного профиля мотивации (М-тест) Б.Н. Рыжова и Л.Б. Смолоской [7]; 5) тест-опросник мотивационно-смысловых образований Ю.М. Орлова и Б.А. Сосновского, позволяющий оценить потребности в достижении, познании, аффилиации и доминировании и степень их удовлетворённости.

Для каждой из двенадцати сфер УСЦД рассчитывался индекс расхождения «ценность - доступность» (Ц-Д): положительные значения указывают на тенденцию к конфликту, отрицательные - на тенденцию к вакууму. Межгрупповые различия оценивались с помощью U-критерия Манна-Уитни, взаимосвязи - с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена (r_s). Для $n = 60$ корреляции $|r_s| \geq 0,25$ значимы на уровне $p < 0,05$, $|r_s| \geq 0,33$ - на уровне $p < 0,01$.

Результаты

Зоны мотивационно-ценностного конфликта. В выборке в целом наибольшие расхождения получены в сферах семьи (2,76), творчества (2,70), красоты (2,61), уверенности в себе (2,60) и познания (2,16), однако эта картина скрывает разные профили возрастных групп (табл. 1).

Таблица 1

Индекс расхождения «ценность – доступность» по жизненным сферам у женщин двух возрастных групп (средние значения)

Жизненная сфера	30 - 35 лет	36 - 45 лет	U	p
Уверенность в себе	4,06	1,13	149,0	< 0,01
Материально обеспеченная жизнь	3,93	- 0,10	12,5	< 0,01
Счастливая семейная жизнь	3,30	2,23	286,0	0,012
Интересная работа	3,03	- 0,06	112,0	< 0,01
Любовь	2,93	0,96	246,0	0,002
Активная, деятельная жизнь	1,60	- 1,00	157,5	< 0,01
Творчество	1,23	4,16	66,5	< 0,01
Красота природы и искусства	1,46	3,76	159,5	< 0,01
Здоровье	- 0,56	3,40	66,0	< 0,01
Познание	1,13	3,20	180,5	< 0,01
Свобода	0,00	2,20	214,0	< 0,01
Хорошие и верные друзья	1,20	1,70	381,0	0,284

Различия значимы по одиннадцати сферам из двенадцати. Средние значения превышают диагностический порог в четыре пункта по уверенности в себе в младшей группе и по творчеству в старшей. Неожиданным оказалось то, что у женщин 36-45 лет конфликт в материальной сфере и в сфере работы практически исчезает, а по сферам активной жизни, материального обеспечения и работы индекс становится отрицательным: ценность этих сфер уже не превышает их доступности.

Психологическое благополучие и смысловые ориентации. Средние значения по всем шкалам методики К. Рифф и теста смысловых ориентаций в обеих группах находятся в пределах нормативного диапазона. По интегральному показателю благополучия (331,4 и 333,1; $p = 0,756$) и по общей осмысленности жизни (89,2 и 91,9; $p = 0,325$) группы не различаются. Различается структура благополучия: у

женщин 30-35 лет выше автономия (55,7 против 53,8; $p = 0,004$), у женщин 36-45 лет - управление средой (54,8 против 53,1; $p = 0,004$), цели в жизни (55,6 против 53,5; $p = 0,014$) и осмысленность жизни по шкале К. Рифф (92,0 против 88,7; $p = 0,002$).

Мотивационная сфера. По данным М-теста, в выборке в целом преобладает социальная мотивация - нравственная (54,98), самореализации (54,15) и познавательная (53,48). У женщин 30–35 лет сильнее выражена альтруистическая мотивация (52,2 против 45,0; $p = 0,031$). У женщин 36-45 лет значительно сильнее мотивация самосохранения (50,1 против 32,6; $p < 0,001$) и защиты Я (55,0 против 31,5; $p < 0,001$); различие по мотивации самореализации (57,2 против 51,1; $p = 0,053$) находится на уровне тенденции. По опроснику Ю.М. Орлова и Б.А. Сосновского у женщин 36-45 лет выше потребность в познании (8,53 против 7,10; $p = 0,007$), удовлетворённость в сфере познания (5,46 против 4,86; $p = 0,044$) и особенно удовлетворённость потребности в аффилиации – почти вдвое (5,06 против 2,73; $p < 0,001$).

Связь конфликтов с благополучием. Интегральный показатель психологического благополучия значимо отрицательно связан с разрывом «ценность - доступность» в пяти сферах: семья ($r_s = - 0,548$), любовь (- 0,385), уверенность в себе (- 0,378), интересная работа (- 0,342) и здоровье (- 0,296). Ключевые коэффициенты приведены в табл. 2.

Таблица 2

**Корреляции индекса «ценность – доступность» с показателями
психологического благополучия (r_s , $n = 60$)**

Сфера	ПБ	ЦЖ	ОЖ	УС	ПО	Авт	СП
Семья	-0,55**	-0,63**	-0,65**	-0,61**	-0,57**	-0,28*	-0,35**
Любовь	-0,39**	-0,52**	-0,52**	-0,57**	-0,38**	-0,11	-0,24
Уверенность в себе	-0,38**	-0,55**	-0,60**	-0,48**	-0,50**	-0,09	-0,18
Интересная работа	-0,34**	-0,55**	-0,47**	-0,47**	-0,38**	0,01	-0,20
Здоровье	-0,30*	-0,04	0,04	-0,01	-0,19	-0,51**	-0,38**
Красота	-0,24	-0,07	0,05	0,03	-0,16	-0,38**	-0,37**
Познание	-0,24	-0,16	-0,13	-0,01	-0,20	-0,36**	-0,36**
Творчество	-0,12	0,11	0,16	0,17	-0,05	-0,33*	-0,16
Свобода	-0,15	-0,01	0,04	0,11	-0,04	-0,40**	-0,21

Примечание. ПБ - психологическое благополучие (интегральный показатель); ЦЖ - цели в жизни; ОЖ - осмысленность жизни; УС - управление средой; ПО - позитивные отношения с окружающими; Авт - автономия; СП - самопринятие. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

В таблице 2 видны два разных направления связей. Конфликты в сферах семьи, любви, уверенности в себе и работы связаны с целями, осмысленностью, управлением средой и позитивными отношениями (r_s от - 0,38 до - 0,65), но не с автономией. Конфликты в сферах здоровья, красоты, познания, творчества и свободы не связаны с целями и осмысленностью, но связаны с автономией (r_s от - 0,33 до - 0,51) и в большинстве случаев - с самопринятием.

Конфликт в сфере семьи теснее всего связан с неудовлетворённостью потребностей в аффилиации ($r_s = - 0,610$), познании (- 0,543) и достижении (- 0,496), конфликт в сфере уверенности в себе - с неудовлетворённостью аффилиации (- 0,667). Благополучие сильнее всего связано с удовлетворённостью в сферах достижения ($r_s = 0,718$) и аффилиации (0,696), а также с потребностями в аффилиации (0,627) и познании (0,536); удовлетворённость аффилиации особенно тесно связана с целями в жизни (0,788) и осмысленностью (0,766).

Обсуждение

Ценность как ресурс и как риск. Данные подтверждают первую гипотезу: благополучие связано не с наличием значимой ценности, а с её доступностью. Наиболее показательна семья: недоступность этой высоко ценимой сферы даёт самую сильную отрицательную связь с благополучием и затрагивает почти все его компоненты. Это совпадает с наблюдениями в консультировании: когда у женщины нарушена сфера отношений - семья неполная, близких отношений нет или они переживают кризис, все это создаёт наиболее тяжёлый, деструктивный эмоциональный фон, который распространяется и на другие сферы жизни. При этом высокая значимость семьи и её повседневное проживание - разные вещи: в исследовании Д. Канемана и соавторов работающие женщины, называя детей главным источником радости, при подробной реконструкции прожитого дня оценивали уход за ними как одно из наименее приятных занятий, рядом с дорогой на работу и домашними делами [21]. Результат согласуется с данными Е.Б. Фанталовой о конфликтности сфер любви и семьи [11] и с эффектом конгруэнтности ценностей и среды [26]. Межстрановые данные Дж. Гласс и соавторов показывают, что «налог родительства» на счастье исчезает в странах, где политика совмещения работы и семьи снимает ролевой конфликт [18]; следовательно, доступность семьи как ценности определяется не только личными, но и социальными условиями. Сходно и экспансионистская теория

ролей утверждает, что множественные роли полезны для женщины, пока их качество и нагрузка не превышают предела [14].

Возрастная смена конфликтного профиля. Подтвердилась и вторая гипотеза. У женщин 30-35 лет конфликт затрагивает сферы уверенности в себе, материального положения, семьи, работы и любви; у женщин 36-45 лет - сферы творчества, красоты, познания и свободы, а также здоровья. По-видимому, именно в 30-35 лет проходит наиболее острый порог, когда встаёт вопрос о собственной состоятельности и переориентации: сильны амбиции, желание достигать, и потребность в материальном выражении успеха выходит на первый план. С возрастом всё больше хочется действовать, прислушиваясь к себе и своей творческой природе. Это не означает, что материальное перестаёт быть нужным, но поступать «по душе» и быть честной с собой становится важнее. Эту смену можно интерпретировать и в терминах А. Маслоу как переход от дефицитарных ценностей к ценностям бытия [6]: в старшей группе индекс по материальной сфере и работе отрицателен, и на первый план выходят ценности развития и выражения себя. Интерпретация согласуется с данными о перестройке ценностей примерно до 40 лет [28] и с теорией социоэмоциональной избирательности: при сужении субъективной временной перспективы приоритет получают эмоционально значимые цели и забота о себе [16]. Рост мотивации самосохранения и защиты Я в старшей группе, вероятно, отражает ту же тенденцию.

Разные конфликты – разные стороны благополучия. Наиболее интересным результатом представляются два направления связей конфликтов с благополучием. Конфликты в сферах семьи, любви, уверенности в себе и работы связаны с целями, осмысленностью и ощущением контроля над жизнью, конфликты в сферах здоровья, красоты, познания, творчества и свободы – с автономией и принятием себя. Это объясняет, почему при одинаковом интегральном благополучии возрастные группы различаются его структурой. У младшей группы конфликты сосредоточены в первом направлении, и у неё ниже показатели целей, осмысленности и управления средой; у старшей - во втором, и у неё ниже автономия. Иначе говоря, те стороны благополучия, которые у группы проседают, соответствуют сферам, где у неё сосредоточен конфликт. Это согласуется с иерархической моделью конфликта целей [23]. Особое место занимает здоровье – единственная сфера второго направления, значимо связанная и с интегральным благополучием.

Аффилиация и познание как защитные факторы. Удовлетворённость потребности в общении и близости наряду с удовлетворённостью в сфере достижения – самый сильный положительный коррелят благополучия, а для осмысленности и целей в жизни – самый тесный. Это согласуется с метаанализом Дж. Холт-Ланстад, где сила социальных связей по значимости для выживаемости сопоставима с отказом от курения [20]. У женщин 36-45 лет удовлетворённость аффилиации почти вдвое выше. На наш взгляд, это объясняется жизненным опытом: с возрастом растут избирательность в отношениях, умение чувствовать людей и понимание того, что нужно самой женщине. Желание слышать себя и действовать в соответствии со своими истинными побуждениями начинает перевешивать стремление соответствовать чужим ожиданиям. Общение, выстроенное из собственной позиции, а не из навязанных ролей, когда женщина может высказывать своё мнение, приносит больше удовлетворения; это подтверждается и нашими наблюдениями в консультировании. Более высокая удовлетворённость общением может быть и одним из источников более высоких показателей целей и осмысленности в старшей группе. Связь познавательной потребности с благополучием перекликается с данными о том, что любознательность в течение дня предсказывает переживание смысла жизни на следующий день [22]; при этом в старшей группе познание одновременно является зоной конфликта, то есть его значимость растёт быстрее, чем возможности его осуществления.

Ограничения. Исследование корреляционное и поперечное: оно не позволяет судить о причинности, а различия групп могут отражать не только возраст, но и когортные различия. Выборка невелика и сформирована на базе диагностического центра Балтийского института психологии, поэтому участницы могли быть более готовы к подобным исследованиям, лучше понимать себя и обладать более высоким уровнем рефлексии, чем женщины в среднем. Для более широких выводов необходимо включить в выборку женщин, не имеющих опыта тренингов и психологического обучения. Число сравнений велико, поэтому результаты на уровне $p \approx 0,01 - 0,05$ требуют репликации. Предположение о том, что конфликт порождается рассогласованием между содержанием ценности, сложившимся раньше, и её актуальным содержанием, проверено лишь косвенно, через сравнение возрастных групп; прямая проверка требует лонгитюдного дизайна или

качественных ретроспективных методов. Вместе с тем полученные результаты показывают заинтересованность самих женщин в теме и имеют научно-практическую ценность для разработки методов, помогающих лучше понимать себя, разбираться с внутренними конфликтами и переживать состояние большего благополучия.

Практические следствия

Во-первых, диагностика в консультировании должна охватывать не только иерархию ценностей, но и их доступность: методика УСЦД может служить основой консультативной беседы, а опросник ценностной жизни К. Уилсона и соавторов дополняет её оценкой соответствия поступков ценностям [30]. Во-вторых, работа должна учитывать возраст: для женщин 30-35 лет приоритетны укрепление уверенности в себе и перераспределение ролевой нагрузки, для женщин 36-45 лет – пространство для творчества, познания, заботы о здоровье и поддержка автономии. В-третьих, укрепление близких отношений и познавательной активности может рассматриваться как универсальный защитный фактор. Наконец, если ценность невозможно сделать доступной, продуктивнее не упорство, а осозанный отказ от недостижимой цели с переключением на новую: эта способность связана с более высоким субъективным благополучием [31].

В нашей практике хорошо зарекомендовала себя техника «дневник внутренних противоречий». В течение двух-трёх недель клиентка записывает ситуации, в которых возникали напряжение, раздражение или чувство вины, и для каждой отмечает, что именно столкнулось: что из области «хочу» и что из области «надо». Техника переводит смутный дискомфорт в конкретные пары конфликтующих мотивов, с которыми уже можно работать на консультации. При её использовании мы наблюдаем положительную динамику у клиенток, что подтверждалось и при обсуждении случаев в интервизорских группах; систематическая оценка её эффективности - задача дальнейших исследований.

Заключение

Психологическое благополучие женщин 30-45 лет связано не столько с тем, какие ценности для них важны, сколько с тем, насколько эти ценности доступны. Сильнее всего со снижением благополучия связана недоступность семьи, а также любви, уверенности в себе и интересной работы. Зоны конфликта смещаются с возрастом: в 30-35 лет это сферы уверенности в себе,

материального положения, семьи, работы и любви, а в 36-45 лет - сферы творчества, красоты, познания, свободы и здоровья. Конфликты в этих двух группах сфер затрагивают разные стороны благополучия, что объясняет различия его структуры в возрастных группах при одинаковом общем уровне. Одним из наиболее сильных ресурсов благополучия выступает удовлетворённость потребности в близости и общении.

Перспективы исследования видятся в двух направлениях. Первое – лонгитюдная проверка выявленных закономерностей: наблюдение за одними и теми же женщинами на протяжении нескольких лет позволило бы увидеть, как зоны конфликта действительно смещаются с возрастом, а не только сравнить разные возрастные группы. Второе – изучение того, какой смысл женщина вкладывает в одну и ту же ценность и как он меняется в средней взрослости: что означает «семья» или «работа» для женщины в 30 лет и в 45. Для этого количественные методики целесообразно дополнить интервью и другими качественными методами.

Список литературы

1. Василюк Ф.Е. Психология переживания. СПб.: Питер, 2026. 288 с. ISBN 978-5-4461-4127-2.
2. Ковалева Д.П. Мотивационные особенности женщин с внутриличностным конфликтом // Актуальные исследования. 2023. № 49 (179), ч. III. С. 68-76. EDN: XVMMET.
3. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 4-е изд., испр. и доп. М.: Смысл, 2019. 584 с. ISBN 978-5-89357-385-5.
4. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. - 18 с.
5. Лобова Т.С. Внутренние конфликты в системе ценностей и самоактуализация женщин 30-45 лет // Молодой учёный. 2025. № 29 (580). С. 33–35. URL: <https://moluch.ru/archive/580/127713> (дата обращения: 07.10.2026). EDN: DLXBLJ.
6. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. СПб.: Питер, 2023. 400 с. ISBN 978-5-4461-1309-5.

7. Рыжов Б.Н., Смоловская Л.Б. Системный профиль мотивации и внутриличностный конфликт // Системная психология и социология. 2024. № 1(49). С. 26–36. DOI: 10.25688/2223-6872.2024.49.1.03. EDN: ZWAWQD.

8. Скрипачева Е.Н., Бохан Т.Г., Шабаловская М.В. Структурные характеристики психических состояний женщин, переживающих трудности совладания с кризисом середины жизни // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2015. Т. 7, № 3. С. 72-81. DOI: 10.17759/psyedu.2015070308. EDN: UKSIFN.

9. Современная женщина: между работой и семьей: аналитический обзор // ВЦИОМ. 2024. 7 марта. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sovremennaja-zhenshchina-mezhdu-rabotoi-i-semei> (дата обращения: 07.10.2026).

10. Соколов А., Косенок А. Исследование «Ведомостей»: как рост благосостояния помогает рождаемости // Ведомости. 2026. 28 апр. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2026/04/28/1193499-issledovanie-vedomostei-kak-rost-blagosostoyaniya-pomogaet-rozhdaemosti> (дата обращения: 07.10.2026).

11. Фанталова Е.Б. Диагностика ценностей и внутренних конфликтов в общей и клинической психологии // Клиническая и специальная психология. 2013. Т. 2, № 1. URL: https://psyjournals.ru/journals/cpse/archive/2013_n1/58926 (дата обращения: 07.10.2026). EDN: QZFXRX.

12. Фанталова Е.Б. Об одном методическом подходе к исследованию мотивации и внутренних конфликтов (на контингенте больных артериальной гипертонией и здоровых лиц) // Психологический журнал. 1992. Т. 13, № 1. С. 107-117.

13. Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95-129.

14. Barnett R.C., Hyde J.S. Women, men, work, and family: An expansionist theory // American Psychologist. 2001. Vol. 56, No. 10. P. 781-796. DOI: 10.1037/0003-066X.56.10.781. EDN: GSGDQZ.

15. Blanchflower D.G., Bryson A., Xu X. The declining mental health of the young and the global disappearance of the unhappiness hump shape in age // PLOS ONE. 2025. Vol. 20, No. 8. e0327858. DOI: 10.1371/journal.pone.0327858. EDN: MCSMLP.

16. Carstensen L.L., Isaacowitz D.M., Charles S.T. Taking time seriously: A theory of socioemotional selectivity // *American Psychologist*. 1999. Vol. 54, No. 3. P. 165-181. DOI: 10.1037/0003-066X.54.3.165. EDN: GSHSMN.
17. Galambos N.L., Krahn H.J., Johnson M.D., Lachman M.E. The U shape of happiness across the life course: Expanding the discussion // *Perspectives on Psychological Science*. 2020. Vol. 15, No. 4. P. 898-912. DOI: 10.1177/1745691620902428. EDN: QBEFIQ.
18. Glass J., Simon R.W., Andersson M.A. Parenthood and happiness: Effects of work-family reconciliation policies in 22 OECD countries // *American Journal of Sociology*. 2016. Vol. 122, No. 3. P. 886–929. DOI: 10.1086/688892.
19. Higgins E.T. Self-discrepancy: A theory relating self and affect // *Psychological Review*. 1987. Vol. 94, No. 3. P. 319–340. DOI: 10.1037/0033-295X.94.3.319.
20. Holt-Lunstad J., Smith T.B., Layton J.B. Social relationships and mortality risk: A meta-analytic review // *PLoS Medicine*. 2010. Vol. 7, No. 7. e1000316. DOI: 10.1371/journal.pmed.1000316.
21. Kahneman D., Krueger A.B., Schkade D.A., Schwarz N., Stone A.A. A survey method for characterizing daily life experience: The day reconstruction method // *Science*. 2004. Vol. 306, No. 5702. P. 1776-1780. DOI: 10.1126/science.1103572.
22. Kashdan T.B., Steger M.F. Curiosity and pathways to well-being and meaning in life: Traits, states, and everyday behaviors // *Motivation and Emotion*. 2007. Vol. 31, No. 3. P. 159-173. DOI: 10.1007/s11031-007-9068-7. EDN: IJQEQB.
23. Kelly R.E., Mansell W., Wood A.M. Goal conflict and well-being: A review and hierarchical model of goal conflict, ambivalence, self-discrepancy and self-concordance // *Personality and Individual Differences*. 2015. Vol. 85. P. 212-229. DOI: 10.1016/j.paid.2015.05.011.
24. Mauss I.B., Tamir M., Anderson C.L., Savino N.S. Can seeking happiness make people unhappy? Paradoxical effects of valuing happiness // *Emotion*. 2011. Vol. 11, No. 4. P. 807-815. DOI: 10.1037/a0022010.
25. Ryff C.D. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. Vol. 57, No. 6. P. 1069–1081. DOI: 10.1037/0022-3514.57.6.1069. EDN: HIUWTD.
26. Sagiv L., Schwartz S.H. Value priorities and subjective well-being: Direct relations and congruity effects // *European Journal of Social Psychology*. 2000.

Vol. 30, No. 2. P. 177–198. DOI: 10.1002/(SICI)1099-0992(200003/04)30:2<177: :AID-EJSP982>3.0.CO;2-Z.

27. Sheldon K.M., Elliot A.J. Goal striving, need satisfaction, and longitudinal well-being: The self-concordance model // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. Vol. 76, No. 3. P. 482–497. DOI: 10.1037/0022-3514.76.3.482. EDN: GXUNDT.

28. Smallenbroek O., Stanciu A., Arant R., Boehnke K. Are values stable throughout adulthood? Evidence from two German long-term panel studies // PLOS ONE. 2023. Vol. 18, No. 11. e0289487. DOI: 10.1371/journal.pone.0289487. EDN: WHCLXY.

29. Stevenson B., Wolfers J. The paradox of declining female happiness // American Economic Journal: Economic Policy. 2009. Vol. 1, No. 2. P. 190-225. DOI: 10.1257/pol.1.2.190.

30. Wilson K.G., Sandoz E.K., Kitchens J., Roberts M.E. The Valued Living Questionnaire: Defining and measuring valued action within a behavioral framework // The Psychological Record. 2010. Vol. 60. № 2. P. 249-272. DOI: 10.1007/BF03395706. EDN: GMLXDL.

31. Wrosch C., Scheier M.F., Miller G.E., Schulz R., Carver C.S. Adaptive self-regulation of unattainable goals: Goal disengagement, goal reengagement, and subjective well-being // Personality and Social Psychology Bulletin. 2003. Vol. 29, No. 12. P. 1494-1508. DOI: 10.1177/0146167203256921. EDN: IQDOTI.

© Герасимова О.М.

**СЕКЦИЯ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

ЦИФРОВОЙ СЛЕД КАК НОВАЯ ФОРМА СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Колобова Яна Александровна

студент

Научный руководитель: **Николенко Анастасия Алексеевна**

д.п.н., профессор

ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет»

Аннотация: Рассмотрены теоретические основания трактовки цифрового следа как ресурса социального капитала. Выделены структурный, содержательный и репутационный компоненты следа. Описаны механизмы его конвертации в доверие, доступ к ресурсам и социальную мобильность. Установлено, что неравенство цифровых компетенций и контроль платформ над данными ограничивают его капитализацию.

Ключевые слова: цифровой след, социальный капитал, социальные сети, цифровая репутация, доверие, цифровое неравенство, платформы.

DIGITAL FOOTPRINT AS A NEW FORM OF SOCIAL CAPITAL

Kolobova Yana Aleksandrovna

Scientific adviser: **Nikolenko Anastasia Alekseevna**

Abstract: The article examines the theoretical grounds for treating a digital footprint as a resource of social capital. Structural, content-related and reputational components of the footprint are identified. The mechanisms of its conversion into trust, access to resources and social mobility are described. It is established that unequal digital competencies and platform control over data limit its capitalization.

Key words: digital footprint, social capital, social networks, digital reputation, trust, digital inequality, platforms.

Введение

Распространение социальных сетей, мессенджеров и профессиональных платформ привело к тому, что значительная часть социальной жизни протекает в среде, где любое действие фиксируется. Публикации, отметки, комментарии, рекомендации и истории транзакций образуют цифровой след – совокупность данных, которые пользователь оставляет при взаимодействии с информационными системами. Эти данные не только описывают поведение человека, но и влияют на то, как его воспринимают другие, а значит, на его возможности в обществе.

В классической социологии такие возможности связывают с понятием социального капитала. П. Бурдьё понимал под ним совокупность актуальных и потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устойчивой сетью отношений взаимного знакомства и признания [1, с. 66]. Дж. Коулман определял социальный капитал через его функцию: это аспекты социальной структуры, облегчающие действия людей внутри неё [2, р. S98]. Р. Патнэм добавил к этому доверие и нормы взаимности как условия коллективного действия и различил связующий и мостовой капитал [3, р. 22].

Цель статьи – обосновать, что цифровой след может рассматриваться как самостоятельная форма социального капитала. Для этого решаются три задачи: выделить компоненты цифрового следа, описать механизмы его конвертации в социальные ресурсы и определить ограничения такой конвертации.

Теоретические основания

Общей чертой классических подходов является то, что капитал возникает из отношений, а не из индивидуальных качеств. Ресурс существует, только пока отношения поддерживаются и признаются участниками. Именно здесь цифровая среда вносит принципиальное изменение: отношения становятся наблюдаемыми, сохраняемыми и доступными для поиска. Если раньше репутация человека передавалась через личные рекомендации и слухи, то теперь она частично материализована в записях, которые может увидеть любой, кто обладает доступом к платформе.

Важным для понимания этого процесса является вывод М. Грановеттера о силе слабых связей: именно знакомства за пределами тесного круга дают человеку новую информацию и доступ к неожиданным возможностям [4, р. 1364]. Цифровые платформы резко снижают стоимость поддержания таких связей. Д. Бойд и Н. Эллисон описывают сайты социальных сетей как

сервисы, где пользователь создаёт публичный профиль, формирует список связей и может просматривать списки связей других участников [5, р. 211]. Тем самым структура социальных отношений превращается в явный, измеримый объект.

Эмпирические данные подтверждают, что использование таких сервисов связано с накоплением социального капитала. Исследование Н. Эллисон и соавторов показало, что активность в Facebook (на данный момент запрещен на территории Российской Федерации) помогает поддерживать связи с прежними знакомыми и увеличивает мостовой капитал студентов [6, р. 1153]. Это позволяет считать цифровой след не побочным продуктом коммуникации, а её накопленным результатом, способным выполнять функции ресурса.

Структура цифрового следа

В цифровом следе можно выделить три взаимосвязанных компонента. Структурный компонент образует сеть контактов, её размер, плотность и положение пользователя в ней. Содержательный компонент включает публикации, проекты и профессиональные материалы, демонстрирующие знания и интересы человека. Репутационный компонент складывается из внешних оценок: отзывов, рекомендаций, рейтингов, подтверждений навыков. Именно последний наиболее близок к признанию, о котором писал Бурдьё, поскольку он создаётся не самим человеком, а окружающими.

Цифровой след отличается от традиционных форм социального капитала четырьмя свойствами. Он устойчив: записи сохраняются годами и не зависят от памяти участников. Он доступен для поиска: информацию о человеке можно найти за секунды. Он масштабируем: одна публикация может быть увидена тысячами людей, незнакомых с автором. Он переносим: профиль и репутация могут использоваться на разных платформах. Эти свойства согласуются с идеей М. Кастельса о сетевом обществе, в котором положение субъекта определяется его включённостью в потоки информации [7, с. 51].

Механизмы конвертации цифрового следа в социальные ресурсы

Первый механизм связан с доверием. Профиль с подтверждённой историей взаимодействий снижает информационную асимметрию между незнакомыми людьми: работодатель, партнёр или клиент получают основания для решения, не имея личного опыта общения. Так цифровой след выполняет функцию сигнала о надёжности и компетентности.

Второй механизм заключается в доступе к ресурсам. Н. Лин определяет социальный капитал как ресурсы, встроенные в социальные сети и доступные через них для целенаправленных действий [8, р. 19]. Цифровой след расширяет круг таких ресурсов: вакансии, консультации, финансирование проектов, профессиональные сообщества. Человек с развитым следом получает их чаще и быстрее.

Третий механизм – конвертация в другие виды капитала. По Бурдьё, формы капитала способны превращаться друг в друга при определённых условиях [1, с. 62]. Цифровая репутация конвертируется в экономический капитал через заработок блогеров, продажи самозанятых специалистов и краудфандинг, а в культурный – через признание экспертного статуса. Таким образом, цифровой след становится посредником между сетевыми связями и материальными результатами.

Связующий и мостовой капитал в цифровой среде

Различие, введённое Патнэмом, позволяет уточнить, какую именно форму капитала формирует цифровой след. Связующий капитал скрепляет однородные группы – семью, близких друзей, профессиональный кружок – и обеспечивает эмоциональную поддержку и взаимность [3, р. 22]. Мостовой капитал соединяет разные группы и даёт доступ к иной информации. Цифровая среда поддерживает оба типа, но по-разному. Закрытые чаты и сообщества по интересам усиливают связующие отношения: внутри них след состоит из общих шуток, совместных обсуждений и взаимной помощи. Открытые профили и публичные публикации, напротив, работают на мостовой капитал, поскольку делают человека заметным для тех, с кем он не знаком лично.

Для анализа важно, что цифровой след позволяет одновременно накапливать оба вида ресурсов без значительных затрат времени. Человек, поддерживая небольшой круг близких контактов, одновременно публикует профессиональные материалы, которые читают люди из других сфер. Это соответствует логике слабых связей по Грановеттеру: полезная информация чаще приходит от дальних знакомых, чем от ближайшего окружения [4, р. 1371]. При этом у такого эффекта есть обратная сторона. Алгоритмы рекомендаций склонны показывать пользователю похожих на него людей и близкий по взглядам контент, поэтому потенциально мостовые связи в действительности превращаются в связующие, а сеть становится более замкнутой, чем кажется её владельцу.

Типология цифрового следа

Для практического анализа полезно различать активный и пассивный след. Активный след создаётся осознанно: человек публикует текст, загружает портфолио, отвечает на вопросы, оставляет отзывы. Пассивный след формируется без его намерения: это геолокация, история поиска, данные об устройствах, метаданные сообщений. Социальный капитал в строгом смысле возникает преимущественно из активного следа, так как требует признания со стороны других людей. Пассивный след участвует в этом процессе косвенно, через алгоритмы, которые определяют, кому и в каком контексте будет показан профиль.

Можно выделить и другое основание классификации – по степени публичности. Публичный след доступен всем и поэтому лучше всего работает как сигнал. Групповой след виден только участникам сообщества и укрепляет внутреннее доверие. Приватный след доступен лишь владельцу платформы и участвует в формировании экономической ценности данных. Именно соотношение этих уровней определяет, какую часть следа индивид способен превратить в собственный капитал, а какую у него присваивают посредники.

Этические и правовые аспекты

Признание цифрового следа формой капитала порождает ряд практических вопросов. Если репутация, накопленная на платформе, приносит доход, возникает проблема её переносимости: пользователь, покидающий сервис, теряет отзывы и подписчиков, то есть фактически утрачивает часть капитала. Кроме того, платформа может изменить правила ранжирования или заблокировать аккаунт, и накопленный ресурс окажется обесценен без участия самого человека. В этом смысле цифровой след напоминает капитал, вложенный в чужую собственность.

Не менее остро стоит проблема приватности. Поскольку след доступен для поиска, он может использоваться не только для установления доверия, но и для дискриминации: при отборе кандидатов, выдаче кредитов, страховании. Информация, воспринимаемая человеком как относящаяся к частной жизни, оказывается основанием для решений, затрагивающих его положение. Поэтому управление цифровым следом становится самостоятельным навыком, а защита права на забвение и контроль над персональными данными – условием справедливой капитализации следа.

Риски и ограничения

Конвертация цифрового следа в капитал не происходит автоматически. Во-первых, она зависит от цифровых компетенций. Люди, умеющие осознанно управлять самопрезентацией, получают больше выгод, а остальные оставляют след случайно, и он может работать против них. Возникает цифровое неравенство второго уровня: различие не в доступе к сети, а в умении извлекать из неё пользу.

Во-вторых, данные о человеке принадлежат не только ему. Ш. Зубофф показывает, что платформы извлекают из поведения пользователей избыточные данные и превращают их в товар для прогнозирования и воздействия [9, р. 8]. В отличие от классического социального капитала, который индивид использует сам, цифровой след в значительной мере находится под контролем владельцев платформ. Это ставит вопрос о праве на управление собственными данными и на удаление устаревшей информации.

В-третьих, след лишён контекста. Запись, сделанная в одной ситуации, может быть истолкована иначе спустя годы, а неполные данные формируют искажённый образ человека. Поэтому цифровой капитал более уязвим, чем традиционный: он может быть быстро обесценен.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что цифровой след соответствует основным признакам социального капитала: он возникает из отношений, закрепляет признание и даёт доступ к ресурсам. Вместе с тем он обладает особыми свойствами – устойчивостью, поисковостью, масштабируемостью и переносимостью, – которые позволяют говорить о нём как о новой форме этого капитала. Его капитализация зависит от цифровых компетенций человека и условий, которые задают платформы. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется эмпирическое измерение вклада структурного, содержательного и репутационного компонентов следа в социальную мобильность разных групп населения.

Список литературы

1. Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.

2. Coleman J. Social capital in the creation of human capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. P. S95–S120.
3. Putnam R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster, 2000. 541 p.
4. Granovetter M.S. The strength of weak ties // American Journal of Sociology. 1973. Vol. 78. № 6. P. 1360–1380.
5. Boyd D., Ellison N. Social network sites: definition, history, and scholarship // Journal of Computer-Mediated Communication. 2007. Vol. 13. № 1. P. 210–230.
6. Ellison N., Steinfield C., Lampe C. The benefits of Facebook "friends": social capital and college students' use of online social network sites // Journal of Computer-Mediated Communication. 2007. Vol. 12. № 4. P. 1143–1168. *(Facebook на данный момент запрещен на территории Российской Федерации)*
7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 606 с.
8. Lin N. Social Capital: A Theory of Social Structure and Action. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 278 p.
9. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power - New York: PublicAffairs, Hachette Book Group. - 2019. - 704 p.

© Колобова Я.А.

**СЕКЦИЯ
ФИЛОСОФСКИЕ
НАУКИ**

**ОТЧУЖДЕНИЕ И «ЧАСТИЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК»
В СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ: К ПОСТАНОВКЕ
ВОПРОСА О САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА
(НА МАТЕРИАЛЕ МОНОГРАФИИ И.С. НАРСКОГО)**

Аликов Юрий Александрович

магистр, аспирант кафедры гуманитарных наук
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
ведущий консультант отдела по контролю
департамента управления делами и контроля
Министерство финансов Российской Федерации
Научный руководитель: **Деникин Анатолий Васильевич**
доктор философских наук, профессор

Аннотация: В статье рассматривается разработка проблемы отчуждения в советской философии на примере монографии И.С. Нарского и работ, посвященных антропологическому прочтению К. Маркса. Показано, что преодоление отчуждения в этих работах связано с освобождением труда и формированием всесторонне развитой личности. Выделен вопрос, оставшийся вне анализа: что человек сохраняет за собой, пока отчуждение не преодолено.

Ключевые слова: отчуждение, отчужденный труд, частичный человек, всесторонне развитая личность, советская философия, К. Маркс, научный гуманизм, антропологический суверенитет.

**ALIENATION AND THE «PARTIAL MAN» IN SOVIET
PHILOSOPHY: TOWARD THE QUESTION OF HUMAN
INDEPENDENCE (BASED ON I.S. NARSKY'S MONOGRAPH)**

Alikov Yuri Alexandrovich

Scientific adviser: **Denikin Anatoly Vasilyevich**

Abstract: The article examines how the problem of alienation was developed in Soviet philosophy, using the monograph by I.S. Narsky and studies of the anthropological reading of K. Marx. It is shown that in these works the overcoming

of alienation is linked with the liberation of labor and the formation of an all-round developed personality. The question that remains outside the analysis is identified: what a person retains while alienation has not yet been overcome.

Key words: alienation, alienated labor, partial man, all-round developed personality, Soviet philosophy, K. Marx, scientific humanism, anthropological sovereignty.

Цифровизация изменила характер отчуждения: часть решений человек передает алгоритмическим системам добровольно, и такая передача переживается как удобство, а не как утрата. Чтобы описать эту ситуацию, необходимо выяснить, какие ответы на вопрос об отчуждении дала отечественная философская традиция. В статье рассматривается, как в советской философии разрабатывались проблема отчуждения и связанная с ней проблема «частичного человека» и какой вопрос в этой разработке остался без ответа. Основой анализа служат монография И.С. Нарского «Отчуждение и труд» [1], тексты К. Маркса, на которые она опирается, и работы об антропологическом прочтении марксизма. Выбор одной монографии ограничивает выводы: они относятся к ней и к привлеченной для сопоставления литературе, тогда как другие советские авторы, в частности А.П. Огурцов и Э.В. Ильенков, требуют отдельного разбора. Под «частичным человеком» мы понимаем работника, у которого развиты и востребованы только те способности, которых требует его узкая функция.

Нарский начинает с предыстории понятия и возражает против мнения, будто Маркс заимствовал категорию отчуждения у Гегеля вместе со всем ее содержанием: по его оценке, она складывалась на почве проблематики государства и собственности у теоретиков общественного договора [1, с. 10]. У Гоббса государство, возникшее из договора, отчуждает права и волю граждан и превращает их в орудие собственной воли [1, с. 10]. У Руссо отчуждение связано с политическими свободами и с собственностью, а государство отчуждается от породившей его нации и противостоит народу [1, с. 11-12]. Для нашей темы существенно, что понятие формируется там, где обсуждается передача прав и власти, то есть в той же традиции, к которой восходит понятие суверенитета. Уже в договорной теории отчуждение означает не только утрату, но и передачу, однако в монографии Нарского, по нашему прочтению, эта двойственность в качестве самостоятельной проблемы не выделена.

Различие между гегелевским и марксовым пониманием отчуждения Нарский раскрывает так: в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс перестает отождествлять отчуждение с опредмечиванием и называет исходной формой отчуждения труда [1, с. 85]. Претензия к Гегелю состоит в том, что в его диалектике отрицание нередко уступает место сохранению, и философия оказывается примирением с отчуждением, а не его критикой [1, с. 81]. При этом Нарский признает, что Гегель рассматривал проблему синтетически, соединяя общефилософский, гносеологический, социальный и историко-культурный подходы [1, с. 37]. Вопрос об отчуждении переносится из сферы духа в сферу практической деятельности людей.

Центральное место в рассуждениях Маркса занимает разделение труда. В Рукописях оно названо экономическим выражением общественного характера труда в условиях отчуждения [2, с. 140-144]. Отчуждение затрагивает и продукт труда, и самого работника, поскольку его деятельность определяется функцией, которую он выполняет в системе разделения труда. Здесь берет начало то, что в статье названо «частичным человеком». П.Н. Кондрашов, реконструируя марксову концепцию целостности человека, указывает на урезанные, одномерные и частичные отношения человека с миром, возникающие при отчуждении [3, с. 38]. Т.И. Ойзерман, в изложении Нарского, добавляет социальную сторону: частная собственность, капитал, обмен и деньги разъединяют людей, хотя общение составляет реальную сущность человека [1, с. 61]. Частичность поэтому имеет два измерения: она описывает способ деятельности и одновременно разрыв общественных связей.

По словам Ойзермана, которые приводит Нарский, отчужденный труд необходимо отличать от частной собственности, иначе непонятно, почему ее отмена на определенной ступени развития общества отменяет и отчужденный труд [1, с. 64]. Нарский показывает, что, по Марксу, частная собственность искажает производство, духовное творчество, психологию и систему ценностей: у собственников она рождает жажду обладания, а у эксплуатируемых ведет к упрощению потребностей [1, с. 68]. Это, на наш взгляд, подводит к вопросу о том, какие желания и решения принадлежат самому человеку, а какие навязаны ему внешним порядком.

Нарский настаивает на связи ранних и зрелых работ Маркса: «Капитал» продолжил начатое в Рукописях 1844 года дело и уточнил место категории отчуждения, но не отменил ее [1, с. 61]. Он возражает и против мнения, будто к

началу 1980-х годов вопрос об отчуждении потерял актуальность [1, с. 7]. В экономических рукописях 1857-1859 годов, по его изложению, превратная форма труда уже содержит предпосылки целостного, универсального развития производительных сил индивида [1, с. 106]. Это позволяет считать, что идея всесторонности человека не исчезает из зрелых работ Маркса, а получает экономическое обоснование.

В самой советской философии единства в оценке места отчуждения в «Капитале» не было, и Нарский фиксирует это [1, с. 119]. Ойзерман, по его изложению, полагал, что в «Капитале» понятие отчуждения играет второстепенную роль и применяется главным образом при описании товарного обмена и фетишизма [1, с. 119]. Нарский возражает и тем, кого называет ревизионистами: они связывают отчуждение с любым трудом, и это, по его оценке, заслоняет факт капиталистической эксплуатации и ведет к мысли о вечности отчуждения [1, с. 118]. Тезис о вечном отчуждении в такой рамке отвергается, поэтому вопрос о том, что человек сохраняет за собой при длительном отчуждении, оказывается вне поля внимания.

Положительная программа в изложении Нарского строится на понятии научного гуманизма. Коммунизм Маркс определяет как действительное присвоение человеком собственной сущности [2, с. 116]. Нарский связывает такое присвоение с появлением всестороннего, целостного человека, у которого раскрыты все человеческие чувства и свойства [1, с. 68], и называет обязательным условием революционную отмену частной собственности [1, с. 67]. В этой схеме «частичному человеку» противостоит всесторонне развитая личность, а путь к ней проходит через изменение собственности и характера труда.

Книга писалась в определенной идеологической обстановке и принадлежит к полемической литературе начала 1980-х годов. Нарский прямо включает свою работу в борьбу с буржуазной идеологией: он полемизирует с представителями Франкфуртской школы [1, с. 6] и с «философами-практиками» 1960-х годов, которых называет ревизионистами [1, с. 74]. Отчуждение у него связывается прежде всего с обществом частной собственности, а для социализма допускаются лишь остаточные формы: оно не порождается сущностью социалистических отношений, хотя в отдельных странах и на отдельных этапах возможны его рецидивы [1, с. 142]. Поэтому монография

привлекается здесь как источник сведений о том, как формулировалась проблема, а не как окончательная оценка авторов, о которых идет речь.

Нарский оценивает и неклассические концепции отчуждения XX века. Он критикует Адорно за то, что отчуждение в его построениях выглядит как неискоренимый фатальный феномен [1, с. 133-134], а Маркузе, по его оценке, видит отчуждение уже в сущности человека [1, с. 133]. Альтернатива здесь поставлена отчетливо: отчуждение либо преодолимо, либо вечно. Промежуточный случай, при котором отчуждение сохраняется, а человек удерживает за собой нечто собственное, в ней не предусмотрен. Близка к цифровой проблематике и мысль об отчуждении свободного, нетрудового времени, когда отдых превращается в новую форму обработки сознания, но Нарский рассматривает ее лишь как отражение проблемы в чужих построениях [1, с. 138].

Наряду с позицией Нарского в отечественной философии существовала традиция, в которой на первом плане стоит человек как субъект деятельности и общения. Г.С. Батищев разрабатывал идею глубинного общения [4, с. 109-129]. В.Ю. Даренский относит его построения к неклассической, «креативной» антропологии, где центральными являются понятия «глубинное общение» и «человек восходящий» [5, с. 135-140]. Современные работы о Марксе дают сходную картину: Кондрашов описывает становление целостности человека как три стадии: от первоначальной слитности через отчуждение и разорванность к всесторонне развитой личности, то есть к свободной индивидуальности экономических рукописей 1857-1859 годов [3, с. 44-45]. Во всех рассмотренных подходах отчуждение выступает этапом, который проходит вместе с изменением условий: собственности, труда, образования и общения.

Классический и цифровой случаи различаются, прежде всего, видимостью отчуждения. В Рукописях 1844 года оно описано через осязаемое лишение: работник не распоряжается продуктом, условиями и целью своего труда. В цифровой среде такого лишения может не быть, поскольку человек формально свободен в выборе, а передача решения выглядит как настройка или рекомендация. Поэтому наличие отчуждения нельзя определять только по видимой утрате, и необходим критерий, показывающий, принадлежит ли решение самому человеку. Рассмотренные работы такого критерия не дают,

потому что решали другую задачу: объясняли причины отчуждения и условия его устранения.

Из рассмотренного материала следуют два требования к понятию, способному описать цифровой случай. Оно должно различать утрату против воли человека и добровольную передачу решения, поскольку договорная традиция знает отчуждение как передачу, тогда как марксистская трактовка сосредоточена на утрате, причиненной внешними условиями. Кроме того, оно не должно зависеть от формы собственности, так как в цифровой среде передача решения не обязательно связана с отношениями собственности. Можно предположить, что в цифровой среде частичность проявляется иначе, чем при разделении трудовых операций: сужается не круг профессиональных функций, а круг решений, которые человек принимает сам. Эта гипотеза требует эмпирической проверки и в статье не доказывается.

Остается вопрос, который в этих работах не разработан: что человек способен сохранять за собой, пока условия не изменены. В цифровой среде он приобретает практический смысл, так как делегирование решения системе не сопровождается принуждением. Для его постановки мы используем категорию антропологического суверенитета, то есть присущности человеку источника собственного решения (в отличие от суверенитета государства). Она позволяет спросить, в какой мере принятое решение остается решением самого человека, независимо от того, преодолено ли отчуждение в целом.

В монографии Нарского проблема отчуждения разработана на материале Рукописей 1844 года и связана с разделением труда, частной собственностью и искажением потребностей. Понятие «частичного человека» получило содержание через противопоставление всесторонне развитой личности, а преодоление частичности ставилось в зависимость от изменения собственности и труда. Вопрос о том, что человек сохраняет за собой, пока отчуждение не преодолено, в рассмотренных работах не получил самостоятельной разработки. Его постановка задает направление дальнейшего анализа отчуждения в цифровой среде.

Примечания

Исследование выполнено без внешнего финансирования.

Список литературы

1. Нарский И.С. Отчуждение и труд: По страницам произведений К. Маркса. М.: Мысль, 1983. 144 с.
2. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. М.: Политиздат, 1974. С. 41-174.
3. Кондрашов П.Н. Марксова концепция становления целостности человека // Вопросы философии. 2020. № 5. С. 36-48. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-5-36-48.
4. Батищев Г.С. Особенности культуры глубинного общения // Вопросы философии. 1995. № 3. С. 109–129.
5. Даренский В.Ю. Философско-антропологическая концепция Г.С. Батищева: «человек восходящий» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 135-140. DOI: 10.18500/1819-7671-2017-17-2-135-140.

© Аликов Ю.А., 2026

**СЕКЦИЯ
ТЕХНИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

УДК 658.5: 624

**ОБСЛЕДОВАНИЕ КОНСТРУКЦИЙ ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ
ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СТРОИТЕЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
НЕРАЗРУШАЮЩИМИ МЕТОДАМИ**

Сергеева Алла Юрьевна

к.т.н., доцент

Алесенко Анна Владимировна

магистрант

Толстых Максим Сергеевич

студент

Сергеев Юрий Дмитриевич

к.т.н., доцент

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»

Аннотация: В статье рассматриваются неразрушающие методы, которые используются при проведении экспертиз. Строительно-техническая экспертиза нужна, чтобы понять, в каком состоянии находятся здания или сооружения, найти дефекты и проверить, соответствуют ли они проекту. Главная часть экспертизы, это обследование конструкций. Сейчас все чаще используют неразрушающие методы. Они дают подробную информацию об объекте, не повреждают его и не останавливают эксплуатацию. Это особо важно для промышленных и жилых объектов, где любое нарушение целостности конструкции недопустимо.

Ключевые слова: строительно-техническая экспертиза, строительный объект, аварийное состояние, надежность.

**INSPECTION OF BUILDING AND STRUCTURAL CONSTRUCTIONS
DURING CONSTRUCTION AND TECHNICAL EXAMINATION
USING NON-DESTRUCTIVE METHODS**

Sergeeva Alla Yurievna
Alesenko Anna Vladimirovna
Tolstykh Maxim Sergeevich
Sergeev Yuri Dmitrievich

Abstract: The article examines non-destructive methods used in expert examinations. Construction and technical expertise is needed to understand the condition of a building or structure, to identify defects, and to check whether they comply with the design. The main part of the examination is the inspection of structures. Non-destructive methods are increasingly being used nowadays. They provide detailed information about the object without damaging it and without halting its operation. This is especially important for industrial and residential facilities, where any violation of the structural integrity is unacceptable.

Key words: construction and technical expertise, construction site, emergency condition, reliability.

Неразрушающий метод контроля применяется на всех этапах эксплуатации. Главный плюс по сравнению с разрушающим методом – не нужно ломать или останавливать работу объекта. Плюс результаты получаются точными и достоверными, что критично в судебной строительной экспертизе, и влияет на решение суда [1].

Почему неразрушающие методы выгодны:

1. Сохраняется целостность здания. Не нужно вырезать образцы, бурить отверстия и останавливать эксплуатацию;
2. Высокая точность. Некоторые виды дефектов (микротрещин, пустоты, расслоения) вообще невозможно определить визуально или вскрытием. А, например, ультразвук видит мелкие повреждения на приличной глубине;
3. Множество различных методов под разные задачи. Например, для металла используют магнитные или вихревые методы, для обнаружения теплопотерь используют тепловизоры, а для изучения внутренней структуры радиационный контроль. Ассортимент довольно внушительный;
4. Экономическая выгода. Ремонт обходится дешевле, потому что заранее знаешь, где и что сломано. По некоторым данным, неразрушающий контроль снижает затраты на ремонт и обслуживание до 30%. Что для промышленности

особенно важно, ведь остановка производственной линии может стоить миллионы;

5. Подходит для суда. В суде нужны объективные и надежные доказательства. Неразрушающий метод как раз дает четкие, проверяемые результаты, которые являются весомым доказательством.

Сегодня неразрушающий метод используют на всех стадиях, от проектирования до реконструкции. С помощью них можно круглосуточно следить за состоянием объектов, вовремя замечать дефекты и своевременно их устранять, а также, прямо на стройплощадке проверять качество материалов и готовых конструкций до того, как их примут в эксплуатацию. Появились и новые инструменты. Например, БПЛА для осмотра труднодоступных мест и искусственный интеллект для обработки больших объемов данных и построения карты дефектов. Все это помогает предупреждать аварии, уменьшает количество несчастных случаев и продлевает срок службы зданий [2].

В РФ строительно-техническая экспертиза регулируется Федеральным законом от 31 мая 2001 г. №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», а также процессуальными кодексами (ГПК РФ, АПК РФ, УПК РФ, КАС РФ), определяющими порядок назначения и проведения экспертизы в судопроизводстве. При обследовании строительных конструкций применяются методы неразрушающего контроля, классификация которых приведена в ГОСТ Р 56542-2019 «Контроль неразрушающий. Классификация видов и методов». Порядок обследования несущих конструкций в настоящее время регламентируется ГОСТ 31937-2024 (введен в действие с 01.05.2024 взамен ГОСТ 31937-2011); СП 13-102-2003 может применяться в качестве справочного документа в части, не противоречащей действующим нормативным документам. Основу нормативной базы также составляют Градостроительный кодекс РФ, Федеральный закон № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений», своды правил (СП) в области проектирования и строительства, а также нормативные правовые акты органов исполнительной власти.

К методам неразрушающего контроля относятся:

1. Ультразвуковой контроль (УЗК). Основан на ультразвуковых волнах, которые проходят через материал. Позволяет найти трещины, непровары, шлаковые включения и поры, как на поверхности, так и в глубине. Часто

применяют для обследования сварных швов, трубопроводов и металлоконструкций.

2. Магнитный контроль (МК). Работает на магнитных свойствах ферромагнитных материалов. Есть несколько вариантов: магнитопорошковый, магнитографический, феррозондовый, индукционный с эффектом Холла и другие. Помогают находить дефекты на поверхности и под ней, а также оценивать структуру и механические свойства.

3. Вихретоковый контроль (ВК). Использует вихревые токи (токи Фуко). Хорошо работает на проводящих материалах, чаще всего на металлах. Выявляет трещины, непровары, коррозию, контролирует толщину и однородность.

4. Радиационный контроль (РК). Применяет ионизирующее излучение, чтобы «просветить» материал. Видны внутренние дефекты: трещины, поры, непровары, шлаковые включения. Часто проверяют сварные швы, трубопроводы, резервуары.

5. Капиллярный метод (ПВК). В основе метода лежит эффект проникающей жидкости. Позволяет увидеть поверхностные и сквозные дефекты: трещины, поры, неровности. Часто используется для сварных швов и деталей оборудования.

6. Тепловой контроль (ТК). Анализирует тепловые процессы и потоки в материалах. С его помощью находят трещины, коррозию, расслоение, непровары и всё, что меняет теплопередачу. Применяют для проверки утепления зданий, состояния трубопроводов, электрических систем, качества сварных швов.

7. Визуальный и измерительный контроль (ВИК). Самый простой метод, осмотр глазом, плюс линейка, лазерный дальномер, штангенциркуль. Используют для предварительной оценки и выявления поверхностных дефектов перед более сложными методами.

8. Акустико-эмиссионный метод (АЭ). Регистрирует акустические волны, которые возникают в материале при деформации, росте трещин, коррозии или фазовых превращениях. Позволяет следить за дефектами в реальном времени и прогнозировать разрушение.

9. Электрический метод (ЭНК). Измеряет параметры электрического поля, которое взаимодействует с объектом. По изменениям электропроводности, емкости или потенциала судят о дефектах.

Алгоритм обследования представлен на рис. 1.

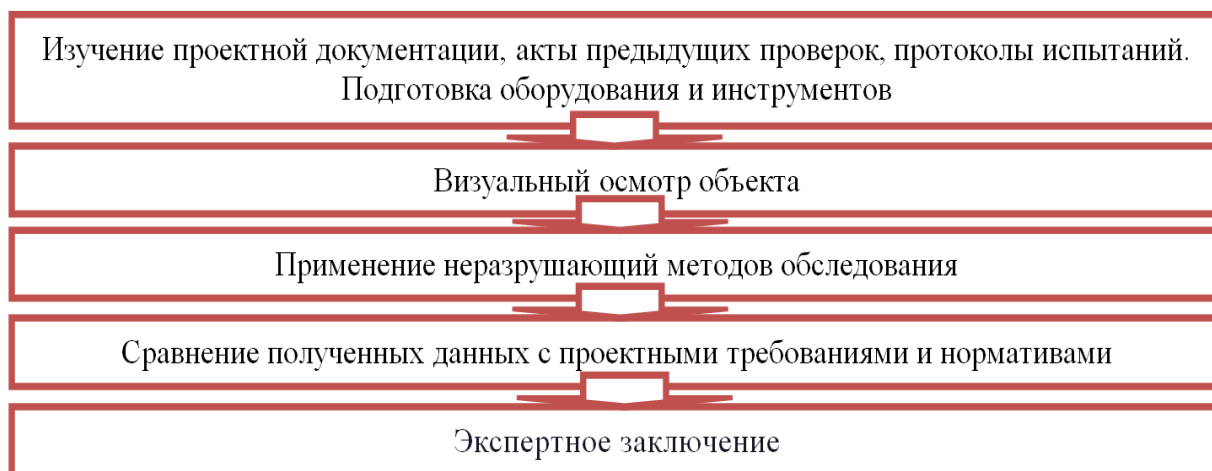

**Рис. 1. Алгоритм обследования конструкций зданий
и сооружений неразрушающими методами**

Зачастую методы комбинируют, чтобы получить полную картину. Например, ультразвук плюс акустическая эмиссия дают больше информации, чем каждый по отдельности [3].

Обследование конструкций зданий и сооружений неразрушающими методами – это ключевой элемент безопасности и надежности в строительстве. Регулярные проверки и быстрое реагирование на дефекты позволяет устранять проблемы на ранних стадиях, что серьезно продлевает срок службы зданий. Соблюдение норм, использование новых технологий (например, БПЛА и ИИ) и профессиональный подход – вот что обеспечивает долгую и безопасную эксплуатацию.

Список литературы

1. Сергеев, Ю.Д. Оптимизация процесса обследования несущих конструкций предаварийных зданий / Ю.Д. Сергеев, А.Ю. Сергеева, А.В. Мищенко, Ю.В. Мясичев, Р.Ю. Мясичев // ФЭС: Финансы. Экономика. – 2019. – Т. 16. – №3. – С. 52-56.

2. Mishchenko, V. Ya. Selection of methods of inspection of building structures to prevent damage / V. Ya. Mishchenko, Yu. D. Sergeev, A. Yu. Sergeeva, Yu. V. Myasishev, R. Yu. Myasishev // В сборнике: IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. International Conference Safety Problems

of Civil Engineering Critical Infrastructures. Ural Federal University. – 2020. – С. 012063.

3. Сергеева, А.Ю. Анализ решаемых задач при выполнении строительно-технической экспертизы / А.Ю. Сергеева, К.А. Федоровская, Ю.Д. Сергеев, А.С. Гребенников // Строительство и недвижимость: сборник научных трудов. – Воронеж: ВГТУ. – 2020. – №2 (6). – С. 130-134.

© Сергеева А.Ю., Алесенко А.В.,
Толстых М.С., Сергеев Ю.Д.

СЕКЦИЯ ИНФОРМАТИКА

**ДОВЕРИЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ К ИИ-АССИСТЕНТАМ:
ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И УСТОЙЧИВОСТИ**

**Воробьев Иван Денисович
Коржов Алексей Алексеевич**

студенты

Научные руководители: **Колесников Алексей Владимирович**

Руденко Елизавета Сеймуровна
АНПОО «Колледж ВИБТ»

Аннотация: В статье рассматриваются факторы формирования и устойчивости доверия пользователей к ИИ-ассистентам. На основе российских исследований проанализированы этапы первоначального и непрерывного доверия, ценностные предикторы, роль медиасреды, конфиденциальности и институционального контекста. Показано, что рост технического доверия к нейросетям может сопровождаться снижением доверия к людям. Предложены практические ориентиры для разработчиков и организаций.

Ключевые слова: доверие, искусственный интеллект, ИИ-ассистенты, цифровые помощники, конфиденциальность, институциональное доверие.

**USER TRUST IN AI ASSISTANTS: FACTORS
OF FORMATION AND SUSTAINABILITY**

**Vorobev Ivan Denisovich
Korzhov Alexei Alekseevich**

Scientific advisers: **Kolesnikov Alexei Vladimirovich**

Rudenko Elizaveta Seymurovna

Abstract: The article examines factors shaping and sustaining user trust in AI assistants. Drawing on Russian research, it analyzes stages of initial and continuous trust, value-based predictors, and the roles of media, privacy, and institutions. Growing technical trust in neural networks may coincide with declining trust in people. Practical guidelines for developers and organizations are proposed.

Key words: trust, artificial intelligence, AI assistants, digital assistants, privacy, institutional trust.

Введение

Распространение голосовых и текстовых ИИ-ассистентов меняет практики поиска информации, организации труда и принятия решений. Пользователь делегирует системе не только рутинные задачи, но и оценку надежности источников. В этих условиях доверие становится условием принятия технологии, готовности делиться данными и продолжения взаимодействия после ошибок ассистента.

В отечественной науке показано, что без доверия даже технически совершенные решения сталкиваются с сопротивлением пользователей и низкой отдачей от внедрения. Одновременно растет интерес к тому, как цифровые помощники влияют на межличностное и институциональное доверие, а также на готовность человека делегировать ассистенту все более сложные решения.

Актуальность проблемы

Актуальность темы обусловлена проникновением генеративных моделей и персональных ассистентов в образование, сервис, управление и частную жизнь. Рост автономности систем усложняет распределение ответственности между разработчиком, оператором и пользователем. Ю.Ю. Петрунин и Н.З. Нуралиева подчеркивают, что доверие к генеративному ИИ нельзя сводить к техническим критериям надежности и объяснимости: оно отражает институциональный и культурный контекст [6, с. 22-24].

Недостаточное доверие тормозит внедрение инноваций, а избыточное повышает риск некритического принятия ошибочных рекомендаций. Для ИИ-ассистента этот баланс особенно важен: система воспринимается как «личный помощник», но получает доступ к чувствительным данным пользователя и влияет на качество принимаемых решений.

Теоретические аспекты рассматриваемой проблемы

А.А. Дашков и Ю.О. Нестерова различают факторы первоначального доверия (репутация разработчика, прозрачность, соответствие ожиданиям) и устойчивого доверия, поддерживаемого качеством ответов, предсказуемостью системы и опытом успешного взаимодействия [1, с. 28-36].

О.М. Самойлов и А.Н. Татарко показывают, что индивидуализирующие моральные основания чаще связаны с готовностью доверять ИИ при

общественной пользе, а спланирующие — с недоверием и меньшей готовностью делегировать задачи ассистенту. Ценности открытости изменениям способствуют принятию инноваций, ценности сохранения чаще выступают предикторами недоверия; значима ценностная конгруэнтность пользователя и «профиля» нейросети [2, с. 209-228].

А.А. Сычев описывает представительское доверие, когда оценка надежности людей и систем делегируется посреднику, в роли которого все чаще выступает ИИ. Рост технического доверия к нейросетям может сопровождаться падением доверия к людям, поэтому важно смещать фокус на моральную ответственность разработчиков и операторов, а не ограничиваться вопросами технической надежности самой модели [3, с. 37-59].

Анализ современного состояния

П.В. Разов и А.В. Гараганов показывают, что цифровизация СМИ формирует рамки доверия или недоверия к ИИ: медиа не только информируют о технологиях, но и задают их восприятие. Развитие ИИ и цифровизация медиа взаимно усиливают это влияние [4, с. 90-97].

П. Пурванто, К. Кусванди и Ф. Фатмах установили, что управляемость и синхронность цифровых помощников повышают воспринимаемую производительность и удовлетворенность, тогда как двунаправленность вызывает опасения из-за конфиденциальности данных. Воспринимаемое доверие усиливает влияние интерактивности на оценку системы [5, с. 64-75].

Ф.Н. Винокуров и Е.Д. Садовская показывают, что готовность полагаться на алгоритм в экономических решениях зависит от контекста задачи и воспринимаемой компетентности партнера [7, с. 87-100]. ИИ-ассистент конкурирует не только с другими программами, но и с человеческими источниками экспертизы.

Практические аспекты и предлагаемые решения

Для формирования обоснованного доверия необходимы прозрачность ограничений ассистента, контроль над данными и институциональные гарантии. Пользователю важно понимать, какие задачи система решает надежно и где требуется проверка человеком [1, с. 32-35]. Нужны ясные настройки хранения и использования сведений, а также понятные правила отказа от передачи данных третьим лицам [5, с. 70-74].

Коммуникативный стиль ассистента целесообразно согласовывать с ценностными ожиданиями аудитории, особенно в чувствительных доменах —

здоровье, финансы, образование, государственные сервисы [2, с. 220-226]. При внедрении в организации и госуслуги необходимы регламенты ответственности, возможность оспорить решение с участием ИИ и сохранение «человеческого контура» в критических ситуациях, где ошибка алгоритма наиболее затратна [6, с. 25-28].

Результаты исследования

Доверие к ИИ-ассистенту формируется поэтапно: сначала через репутацию и понятность, затем через опыт взаимодействия и защиту приватности. Ценности и моральные основания пользователя дифференцируют готовность делегировать задачи, а медиасреда и институциональный фон регулируют доверие извне. В совокупности эти факторы определяют, станет ли использование ассистента устойчивой практикой или ограничится разовыми обращениями.

Рост технического доверия к ассистентам несет риск ослабления доверия к людям и подмены межличностной коммуникации псевдиалогом с «цифровым посредником» [3, с. 50-57]. Практическим ориентиром становится принцип калиброванного доверия: система должна быть достаточно надежной для повседневного использования, но не стимулировать слепое принятие любого ответа без критической оценки.

Заключение

Доверие к ИИ-ассистентам представляет собой многоуровневый феномен, в котором сочетаются технические, психологические, медиа- и институциональные факторы. Устойчивое доверие невозможно обеспечить одной точностью модели: необходимы прозрачность ограничений, контроль данных, ценностная чувствительность интерфейса и ясные механизмы ответственности. Перспективным направлением исследований остается проверка того, как разные типы ассистентов формируют калиброванное доверие в конкретных пользовательских сценариях — от бытовых запросов до образовательных и сервисных задач.

Список литературы

1. Дашков А.А., Нестерова Ю.О. Построение доверия при использовании искусственного интеллекта // E-Management. – 2021. – Т. 4, № 2. – С. 28-36.

2. Самойлов О.М., Татарко А.Н. Социально-психологические факторы доверия искусственному интеллекту: состояние исследований // Вопросы теоретической экономики. – 2026. – № 2(31). – С. 209-228.
3. Сычев А.А. В поисках надежности: трансформация доверия в эпоху цифровых технологий // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2024. – № 5(183). – С. 37-59.
4. Разов П.В., Гараганов А.В. Цифровизация средств массовой информации как фактор влияния на доверие к искусственному интеллекту // Цифровая социология. – 2022. – Т. 5, № 4. – С. 90-97.
5. Пурванто П., Кусванди К., Фатмах Ф. Интерактивные приложения с искусственным интеллектом: факторы доверия пользователей // Форсайт. – 2020. – Т. 14, № 2. – С. 64-75.
6. Петрунин Ю.Ю., Нуралиева Н.З. Доверие к технологиям генеративного искусственного интеллекта как зеркало доверия к институтам // Государственное управление: электронный вестник. – 2025. – № 113. – С. 22-30.
7. Винокуров Ф.Н., Садовская Е.Д. Экспериментальное сравнение доверия искусственному интеллекту и человеку в экономических решениях // Экспериментальная психология. – 2023. – Т. 16, № 2. – С. 87-100.

© Воробьев И.Д., Коржов А.А.

**СЕКЦИЯ
БИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

**ВРЕДНОСНОЕ ЦВЕТЕНИЕ ВОДОРΟΣЛЕЙ В АКВАТОРИИ
ЗАЛИВА ПЕТРА ВЕЛИКОГО: МЕХАНИЗМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ
НА ОБЪЕКТЫ МАРИКУЛЬТУРЫ И СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ**

Дымов Сергей Александрович

студент группы БТм-112

ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный
технический рыбохозяйственный университет»

Аннотация: В статье рассматривается проблема вредоносного цветения водорослей (ВЦВ) в акватории залива Петра Великого (Японское море) в контексте развития региональной марикультуры. Подробно описаны основные источники фитопланктона, представляющие угрозу для гидробионтов, включая рафидофитовые (*Chattonella*), диатомовые (*Pseudo-nitzschia*, *Chaetoceros*) и динофлагелляты (*Alexandrium*). Раскрыты биохимические и физиологические механизмы токсического воздействия на пелагических фильтраторов (гребешок приморский, устрица, мидия) и бентосных детритофагов/зарывающихся моллюсков (трепанг дальневосточный, анадара, спизула, гребешок, мидия, устрица, другие инфаунальные двустворчатые). Предложены дифференцированные меры борьбы на уровне аквакультурных предприятий, научно-исследовательских организаций и государственных органов.

Ключевые слова: цветение водорослей, фитопланктон, Дальний Восток, залив Петра Великого, морепродукты, экологическая безопасность, мониторинг, «красные приливы».

**HARMFUL ALGAL BLOOMS IN THE WATERS OF PETER
THE GREAT BAY: MECHANISMS OF IMPACT ON MARICULTURE
FACILITIES AND ADAPTATION STRATEGIES**

Dymov Sergey Alexandrovich

Abstract: The article examines the problem of harmful algal blooms in the waters of Peter the Great Bay (Sea of Japan) in the context of the development of regional mariculture. The main sources of phytoplankton that pose a threat to aquatic

organisms, including raphidophytes (*Chattonella*), diatoms (*Pseudonitzschia*, *Chaetoceros*) and dinoflagellates (*Alexandrium*), are described in detail. The biochemical and physiological mechanisms of toxic effects on pelagic filter feeders (*Mizuhopecten yessoensis*, *Ostreidae*, *Mytilus* (lat.)) and benthic detritophages / burrowing mollusks (*Apostichopus japonicas*, *Anadara*, *Spisula*, *Pectinidae*, *Mytilus*, *Ostreidae* (lat.)), and other infaunal bivalves) are disclosed. Differentiated control measures are proposed at the level of aquaculture enterprises, research organizations and government agencies.

Key words: algal blooms, phytoplankton, the Far East, Peter the Great Bay, seafood, environmental safety, monitoring, «red tides».

Аквакультура Приморского края, базирующаяся в акватории залива Петра Великого, является стратегически важной отраслью региона. Основными объектами выращивания выступают гребешок приморский (*Mizuhopecten yessoensis*), устрица тихоокеанская (*Crassostrea gigas*), мидия (*Mytilus edulis*), трепанг дальневосточный (*Apostichopus japonicus*), анадара (*Anadara broughtonii*) и другие зарывающиеся двустворчатые моллюски.

Гидрологический режим залива, сочетающий апвеллинги, сложный рельеф дна и значительный речной сток (рр. Раздольная, Артемовка и др.), создает предпосылки для локальной эвтрофикации. На фоне глобального потепления это приводит к учащению случаев вредоносного цветения водорослей (ВЦВ). Если для пелагических рыб ВЦВ опасно преимущественно прямым токсическим воздействием на жабры, то для бентосных и придонных объектов марикультуры спектр угроз значительно шире и включает как биохимическую токсичность, так и катастрофические изменения донных экосистем.

Опасные источники фитопланктона в акватории залива Петра Великого

В акватории залива выявлен ряд таксонов микроводорослей, способных формировать массовые скопления (blooms) с негативными последствиями:

- Рафидофитовые водоросли (род *Chattonella*, *Heterosigma*), которые формируют «красные» и «коричневые» приливы. Они опасны выработкой активных форм кислорода (АФК) и гемолизинов;
- Диатомовые водоросли (род *Pseudo-nitzschia*, *Chaetoceros*, *Skeletonema*). *Pseudo-nitzschia* продуцирует нейротоксин домоевую кислоту, а

Chaetoceros и Skeletonema при высокой биомассе вызывают механическое повреждение тканей и вторичную гипоксию;

- Динофлагелляты (род Alexandrium, Gymnodinium): Продуценты сакситоксинов, вызывающих паралитическое отравление моллюсков (PSP).

Биохимические механизмы воздействия на гидробионты

Объекты марикультуры залива Петра Великого делятся на две экологические группы, что определяет пути поступления токсинов и механизмы их воздействия.

Воздействие на пелагических и бентосных фильтраторов – гребешок, устрица, мидия (эти моллюски непрерывно фильтруют толщу воды, что делает их уязвимыми к водорастворимым токсинам и суспендированным клеткам):

- окислительный стресс и цитотоксичность (Chattonella): клетки Chattonella при контакте с эпителием мантии и жабр выделяют супероксид-радикалы и перекись водорода. Биохимически это запускает каскад перекисного окисления липидов (ПОЛ) в клеточных мембранах. Разрушение лизосом приводит к автолизу тканей. Моллюски реагируют гиперсекрецией слизи, что ведет к закупорке жаберных нитей, прекращению фильтрации и энергетическому истощению;

- Нейротоксичность и биоаккумуляция (Pseudo-nitzschia, Alexandrium): домоевая кислота (аналог глутамата) блокирует каинатные и АМРА-рецепторы, вызывая эксайтотоксичность. Сакситоксины блокируют потенциал-зависимые натриевые каналы. У двустворчатых моллюсков эти нейротоксины не метаболизируются быстро, а депонируются в мантии, гонадах и мышце-замыкателе. Хотя сами моллюски могут не погибать сразу, происходит их биоаккумуляция, делающая продукцию токсичной для человека и требующей закрытия промысла;

- Механическое повреждение (Chaetoceros): длинные щетинки (хеты) диатомей Chaetoceros физически пронзают эпителий жабр. Это вызывает локальное воспаление, некроз и открывает ворота для вторичных бактериальных инфекций.

Воздействие на бентосных детритофагов и зарывающихся моллюсков - трепанг, анадара, другие инфаунальные виды (эти гидробионты обитают на дне или в грунте. Для них критическое значение имеют не только водные токсины, но и оседание отмершей биомассы водорослей):

- Бентосная аноксия и сероводородное отравление: после отмирания массивного цветения (особенно диатомей *Skeletonema*) мертвая биомасса осаждается на дно. Бактериальное разложение органики потребляет придонный кислород. В анаэробных условиях сульфатредуцирующие бактерии восстанавливают сульфаты до сероводорода (H_2S);

- Биохимический механизм: H_2S необратимо связывается с цитохромом с-оксидазой (Комплекс IV) митохондриальной дыхательной цепи. Это полностью блокирует клеточное дыхание. Для трепанга и зарывающихся моллюсков (анадара, мактра) даже кратковременное повышение концентрации H_2S в придонном слое воды или поровых водах грунта вызывает массовую гибель;

- Токсикоз при донном питании (трепанг): трепанг дальневосточный питается детритом. При ВЦВ он заглатывает токсичные осевшие клетки и обогащенный токсинами донный осадок. Токсины (включая домоевую кислоту) накапливаются в стенке тела и кювьеровых органах. При стрессе (например, при пересадке или потеплении) у трепанга срабатывает защитный механизм — выброс кювьеровых органов, которые на фоне накопленных нейротоксинов подвергаются ускоренному аутолизу (разжижению), что ведет к гибели особи;

- Замор инфаунальных моллюсков: зарывающиеся моллюски (анадара, спизула) не могут быстро покинуть зону токсического пятна. Накопление в тканях продуктов анаэробного гликолиза (сукцината, пропионата) на фоне гипоксии приводит к ацидозу тканей и нарушению осморегуляции.

Методы и меры борьбы (с учетом региональной специфики)

Решение этой значимой проблемы требует интеграции системных усилий на трех уровнях.

Для фермеров и хозяйств аквакультуры (оперативный уровень):

- адаптация горизонтов выращивания: при поверхностном цветении *Chattonella* или диатомей, гирлянды с гребешком и устрицей необходимо экстренно заглублять на нижние горизонты (если там нет гипоксии);

- Управление бентосными объектами: при прогнозе ВЦВ и последующем заморе приостанавливать работы по пересадке и сбору трепанга и анадары. В прудовых хозяйствах трепанга использовать донные аэраторы для предотвращения стратификации воды и накопления H_2S ;

- Гигиена садков: регулярная промывка садков гребешка и мидии для удаления осевших токсичных клеток и избыточной слизи, что снижает риск локальной гипоксии внутри скоплений моллюсков;

- Коррекция сроков: сдвиг сроков сбора урожая трепанга и гребешка на периоды, предшествующие сезонным пикам ВЦВ (обычно конец лета - начало осени).

Для научно-исследовательских организаций (ТИНРО-Центр, ДВО РАН, ДВФУ):

- Разработка региональных систем eDNA-мониторинга: создание ПЦР-тестов в реальном времени для выявления ДНК токсичных штаммов *Pseudo-nitzschia* и *Alexandrium* в воде и донных отложениях до начала видимого цветения;

- Изучение бентосных триггеров: исследование механизмов накопления H_2S в донных отложениях заповедных и марикультурных участков залива Петра Великого. Разработка биоремедиационных препаратов (специфических пробиотиков на основе *Bacillus spp.*) для донных прудов трепанга, ускоряющих разложение отмершей фитомассы без образования сероводорода;

- Селекция на устойчивость: изучение внутривидовой изменчивости гребешка и трепанга на предмет выявления линий с повышенной активностью антиоксидантных ферментов (супероксиддисмутазы, каталазы) для защиты от окислительного стресса, вызванного *Chattonella*.

Для государственных органов (Правительство Приморского края, Росрыболовство, Росприроднадзор):

- Управление водосборными бассейнами: жесткий контроль за сбросом биогенных элементов (азота и фосфора) с сельскохозяйственных полей бассейна р. Раздольной и коммунальными стоками г. Владивостока. Снижение эвтрофикации — единственный путь уменьшения частоты ВЦВ;

- Зонирование акватории: исключение из перечня перспективных участков для марикультуры трепанга и зарывающихся моллюсков мелководных, застойных бухт (например, внутренние части Амурского и Уссурийского заливов), где риск бентосной аноксии и накопления H_2S максимален;

- Создание регионального центра мониторинга: интеграция данных спутникового ДЗЗ, буевых измерений и наземного мониторинга в единую

цифровую платформу с системой SMS-оповещений для фермеров о приближении фронта ВЦВ;

- Субсидирование и страхование: включение ВЦВ в перечень страховых случаев с государственной поддержкой премий. Субсидирование закупки фермерами систем донной аэрации и оксигенации.

Заключение

Вредоносное цветение водорослей в акватории залива Петра Великого представляет собой комплексную угрозу для марикультуры. Если для пелагических фильтраторов (гребешок, устрица) основной угрозой является прямая цитотоксичность и биоаккумуляция нейротоксинов, то для бентосных объектов (трепанг, анадара) критическими факторами выступают бентосная аноксия и сероводородное отравление. Эффективное противодействие требует перехода от реактивного устранения последствий к проактивному управлению: снижению антропогенной эвтрофикации водосборов, внедрению молекулярного мониторинга (eDNA) и разработке специфических биотехнологических методов защиты донных экосистем.

Список литературы

1. Океанография залива Петра Великого и прилегающей части Японского моря // ФГБУН «Тихоокеанский океанологический институт им. В.И. Ильичева» ДВО РАН. URL: http://www.spsl.nsc.ru/FullText/konfe/Maket_abstracts2013.pdf#18#1 (дата обращения 03.10.2026).

2. Дьяков Б.С. Результаты океанологического мониторинга северо-западной части Японского моря в 2018 г. // Тихоокеанский филиал ФГБНУ «ВНИРО». URL: https://vniro.ru/files/trydi_vniro/archive/tv_2020_t_180_article_1.pdf#4#1 (дата обращения 03.10.2026).

3. Тихомирова Е.А. Пространственное распределение биогенных веществ в заливе Петра Великого в «Теплые» и «Холодные» годы. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvennoe-raspredelenie-biogennyh-veschestv-v-zaliv-petra-velikogo-v-teplye-i-holodnye-gody> (дата обращения 06.10.2026).

4. Изменения в составе токсичных видов водорослей вызывают цветение воды в Уссурийском заливе. URL: <https://new.ras.ru/press-center/izmeneniya-v-sostave-toksichnykh-vidov-vodorosley-vyzyvayut-tsveteniye-vody-v-ussuriyskom-zaliv/#1> (дата обращения 06.10.2026).

5. Стоник И.В., Попов Р.С., Цурпало А.П., Дмитренко П.С., Щелканов М.Ю., Орлова Т.Ю. Домоевая кислота в лабораторных культурах диатомовых водорослей рода *Pseudo-nitzschia* Н. Peragallo in Н. Peragallo & М. Peragallo, 1900 и пробах моллюсков из российских вод Японского моря и тихоокеанских вод Камчатки // Биология моря 2023. № 5. URL: <https://sciencejournals.ru/view-article/?j=biomor&y=2023&v=49&n=5&a=BioMor2305011Stonik#1> (дата обращения 06.10.2026).

6. Шевченко О.Г., Пономарева А.А., Масленников С.И. Мониторинг фитопланктона на акватории марикультурного хозяйства в бухте Рифовая (зал. Петра Великого, Японское море) // Институт биологии моря им. А.В. Жирмунского ДВО РАН 2014. URL: https://vniro.ru/files/voprosy_rybolovstva/archive/vr_2014_t15_3_article_8.pdf#3#3 (дата обращения 06.10.2026).

© Дымов С.А.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО, ТЕХНОЛОГИИ:
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ**

Сборник статей

XIII Международной научно-практической конференции,
состоявшейся 12 октября 2026 г. в г. Петрозаводске.

Ответственные редакторы:

Ивановская И.И., Кузьмина Л.А.

Подписано в печать 14.10.2026.

Формат 60х84 1/16. Усл. печ. л. 4.53.

МЦНП «НОВАЯ НАУКА»

185002, г. Петрозаводск,

ул. С. Ковалевской, д.16Б, помещ.35

office@sciencen.org

www.sciencen.org

НОВАЯ НАУКА

Международный центр
научного партнерства

NEW SCIENCE

International Center
for Scientific Partnership

МЦНП «НОВАЯ НАУКА» - член Международной ассоциации издателей научной литературы
«Publishers International Linking Association»

ПРИГЛАШАЕМ К ПУБЛИКАЦИИ

- 1. в сборниках статей Международных
и Всероссийских научно-практических конференций**

<https://www.sciencen.org/konferencii/grafik-konferencij/>

- 2. в сборниках статей Международных
и Всероссийских научно-исследовательских,
профессионально-исследовательских конкурсов**

<https://www.sciencen.org/novaja-nauka-konkursy/grafik-konkursov/>

- 3. в составе коллективных монографий**

<https://www.sciencen.org/novaja-nauka-monografii/grafik-monografij/>

<https://sciencen.org/>